

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

НОЖНИЦЫ СУДЬБЫ

Ольга Володарская
Ножницы судьбы

«ЭКСМО»

2010

Володарская О. Г.

Ножницы судьбы / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-40713-2

Алина никогда не была хорошей девочкой... Уже подростком она знала, как добиться успеха, и шла к цели напролом. Тех, кого сметала со своего пути, Алина не жалела и даже не задумывалась, что наступит время, когда за свои грехи надо будет отвечать. Первый же удар судьбы отрезвил девушку – ее любимый Макс женился на другой... Миновали годы. А враги – те самые, из прошлого, – остались... Макс снова появился в ее жизни, но Алине было уже не до него: ее преследуют и хотят убить. Вместо нее погибает домработница Светлана, немного похожая на хозяйку – особенно когда она потихоньку примеряет ее вещи, украшения и делает такую же прическу... Кто перепутал двух женщин? И перепутали ли? Может, именно Света должна была стать жертвой, а Алине только кажется, что убрать хотели ее? Но слежка за ней продолжается...

ISBN 978-5-699-40713-2

© Володарская О. Г., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	11
3	17
Глава втораяПрошлое	22
1	22
2	25
3	29
4	32
5	36
6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Володарская

Ножницы судьбы

Глава первая

1

Алина вбежала в подъезд и, захлопнув за собой дверь, обессилено привалилась к стене. Всю дорогу от автомобильной стоянки до своего дома она шла таким торопливым шагом, что почти задохнулась. На высоченных каблуках быстро передвигаться было крайне сложно, но Алина ни разу не остановилась, чтобы передохнуть, и не сбавила скорость, а все потому, что боялась...

Смертельно боялась того, кто следил за ней вот уже несколько дней!

Алина не знала, кто именно наблюдает за ней из темноты подворотен, из-за толстых стволов тополей, из-за махин грузовиков, но была уверена в одном: этот *кто-то* желает ей зла.

Впервые она почувствовала за собой слежку неделю назад, когда возвращалась с делового ужина. Время было позднее, и Алина шла от парковки до дома с оглядкой. Но ничего подозрительного не заметила. Разве что тень, метнувшуюся за угол соседнего здания в тот момент, когда она с ним поравнялась. Собственно, там мог быть просто нетрезвый абориген, решивший справить малую нужду и застеснявшийся проходящей мимо женщины, но когда Алина миновала то место, где несколько секунд назад стоял человек, в спину ей уперся чей-то пристальный взгляд. Она почувствовала его кожей: по ней побежали мурашки, а волосы встали дыбом. Обернулась – а двор пуст. По крайней мере, освещенная его часть. Но стоило возобновить движение, как Алина снова ощутила недобрый взгляд, и кожный зуд не проходил, пока она не скрылась за дверью подъезда.

В ту ночь Алина плохо спала. Все вставала и подходила к окнам, ко всем по очереди, чтобы выглянуть на улицу и убедиться в том, что под ними никого нет. Когда не замечала ничего подозрительно, возвращалась в кровать, закрывала глаза и силилась уснуть. Но получилось это не сразу, а только после того, как согрелись леденеющие от непонятного страха ноги...

Утром она все еще была взвинченной, но к обеду пришла в себя и о бессонной ночи напоминала только непомерная усталость. Из-за нее Алина ушла с работы пораньше. Хотела полежать в ванне, расслабиться, выпить бокал «Мартини», а потом улечься спать. Но ее планам не суждено было сбыться. Когда шла от офиса к машине, она вновь ощутила подзабытое со вчерашнего вечера холодноватое покалывание в затылке. Алина замедлила шаг, однако не остановилась. И резко оборачиваться не стала, чтобы не спугнуть того, кто сверлил ее взглядом явно из-за припаркованного поодаль многотонного грузовика – больше спрятаться было негде. Алина неспешно прошла к своей машине и взглянула в тонированное стекло, в котором отражались предметы, находящиеся за спиной, в том числе тот самый «КамАЗ», за которым...

А там никого не было!

Не поверив своим глазам, Алина развернулась и осмотрела улицу. Точно, никого нет! Загадочный человек, как и вчера, успел скрыться за секунду до того, как Алина среагировала на его взгляд.

«А может, его и не было? – подумалось ей. – Что, если мне все это мерещится? Скажем из-за хронической усталости и постоянного стресса. Или нечистая совесть напоминает о старых грехах ознобом, нервной дрожью и бессонницей?»

Тогда она убедила себя в этом. Ибо доказательств тому, что за ней действительно следят, Алина так и не нашла. Но через день (следующий она провела за городом в палаточном лагере) пронизывающий взгляд вновь настиг ее. Причем в момент, когда она совсем не ждала. Решив возобновить утренние пробежки, Алина встала по будильнику и полусонная потрусилась к скверу. В ушах торчали наушники от плеера, на глазах темные очки, на голове шапочка, чтоб затылок не мерз. И вот даже сквозь толстый трикотаж да плюс эластик водолазки и кашемир намотанного на шею шарфика Алина почувствовала тот самый взгляд!

И тут же поняла: ей не мерещится. Так что усталость вкупе с угрызениями совести тут ни при чем – за ней действительно кто-то пристально наблюдает. Ненависть неизвестного человека к ней так сильна, что ее излучает вся его аура. Алина с ее просто-таки кошачьим чутьем не может это не уловить.

Тогда она впервые по-настоящему испугалась. И припустила к дому, чтобы укрыться в своей «берлоге» от преследующего ее ненавистника, успокоиться, подумать и решить, как себя обезопасить. Так прошло два дня – суббота и воскресенье. Ровно столько она просидела дома, успокаиваясь, думая, решая... И питаюсь теми немногими продуктами, что остались в доме, – домработница перед уходом в отпуск забила холодильник, но за две недели, что она отсутствовала, хозяйка почти все запасы подчистила, леньясь ходить в магазин.

По прошествии двух дней Алина прервала свое добровольное заточение и отправилась на работу. Выходить из подъезда было страшно, но она превозмогла себя и сделала решительный шаг на улицу. А потом решительно направилась к стоянке. Слежки за собой она не чувствовала, но это не успокаивало, а наоборот – еще больше нервировало. Алина не любила оттягивать неприятные моменты, предпочитала встречаться с неизбежным без промедления. Наверное, поэтому ее девизом было: «Лучше умереть и быть спокойной, чем жить и волноваться».

Во взвинченном состоянии она прибыла на работу. Накричала на секретаршу, устроила головоломку своему заму, бухгалтера выгнала вон. А во время обеда повела себя совсем безобразно – швырнула в официанта скомканной салфеткой за то, что тот чуть не облил ее супом. Причем в его неловкости была виновата она сама: все вертелась на стуле, изучая то зал, то улицу, которую было видно из окна. Сейчас ей необходимо было ощутить на себе следящий взгляд, чтобы закрепить в своей уверенности, что надо действовать, дабы избавить себя от него навсегда...

Но за Алиной никто не наблюдал, она была предоставлена самой себе. Очевидно, у таинственного врага имелись свои дела... Или это просто затишье перед бурей?

После работы Алина не поехала домой, как делала обычно. В спортклуб и к любовнику тоже. Она отправилась на встречу с частным детективом, на которую решила еще в воскресенье. Обратиться за помощью к профессионалу казалось ей единственным выходом. Если за ней следят (а следят совершенно точно), именно частный детектив сможет вычислить, кто именно.

Сыщика она нашла быстро – просто позвонила своей знакомой. Та, заподозрив мужа в адультере, обратилась в детективное агентство, и его сотрудники установили за неверным супругом слежку, в результате чего опасения жены подтвердились. Приятельница с удовольствием дала Алине телефон того, кто занимался делом ее благоверного, теперь уже бывшего (благодаря добытым сыщиком фотографиям развод стал для нее не трагедией, а очень выгодным предприятием), но предупредила, что тот потребует за слежку немалую сумму. Денежные траты Алину не пугали – она была женщиной весьма обеспеченной, поэтому тут же позвонила в агентство и назначила детективу встречу в маленьком кафе неподалеку от офиса, приехать в его агентство отказалась, боясь «засветиться» перед преследователем.

Детектив прибыл на встречу вовремя. Его фамилия была Дятлов, и она очень ему подходила. Сыщик был юркий, черненький, с острым, похожим на клюв, носом и пуговичными глазками. Алине поначалу его внешность не внушила доверия, но когда они поговорили, стало ясно: Дятлов сыщик опытный, а что выглядит несолидно, так это делу не мешает.

Решив все вопросы, в том числе об оплате, Алина рассталась с Дятловым. Настроение ее после встречи с ним улучшилось настолько, что впервые за последние дни она позвонила любовнику и велела, чтоб ждал ее в гости. Парня звали Давидом. Он был молод и очень хорош собой. Алина познакомилась с ним в магазине спортивной одежды, когда покупала там костюм для занятий фитнесом, а Давид любовался кроссовками. Именно любовался, потому что купить их себе он не мог. Молодой человек приехал в столицу из Сухуми, работал официантом в грузинском ресторане, снимал квартиру еще с тремя ребятами, и в деньгах нуждался катастрофически. Алина заговорила с ним, попросила помочь ей выбрать спортивное обмундирование (хотя сама могла кого угодно проконсультить, поскольку являлась совладелицей сети фитнес-клубов «Олимпус»), а потом в качестве благодарности за услугу вручила ему те самые кроссовки. И в придачу к ним листок с номером своего сотового.

Давид позвонил ей только через три недели. Как потом выяснилось, ждал зарплаты. А иначе на что бы он повел новую знакомую в кафе? Давиду и так было совестно из-за того, что он принял от Алины презент, а уж за ее счет в ресторан идти – вообще бесстыдство...

В тот вечер и начался их бурный роман. После забегаловки, которую юный грузинский красавец смог себе позволить, Алина с Давидом отправились на прогулку по старой Москве. Они бродили по городу всю ночь, а утро встретили в квартире Давида. Сначала пили чай на кухне, согревая озябшие руки, а потом занимались любовью в ванной – в единственной комнате спали три его товарища.

С тех пор прошел год. Давид сменил работу и квартиру. И в том, и в другом ему посодействовала Алина. Поскольку принимать деньги от нее парень отказался, пришлось его устроить в один из своих клубов. Сначала он был инструктором, потом стал администратором, а в последние два месяца являлся уже директором. В приличную однокомнатную квартирку в центре она переселила его, заявив, что та принадлежит ее друзьям, уехавшим за границу, мол, те попросили Алину платить за коммунальные услуги и поливать цветы.

Встречались любовники пару раз в неделю. Алина приезжала к Давиду на квартиру (никогда не звала его к себе!) и проводила там ночь. В общественные места они вместе не ходили, но иногда гуляли по ночной Москве, как в первое свидание. Отдыхали также по отдельности. Давида сначала обижало то, что Алина его от всех прячет, будто стыдится. Но когда он узнал от коллег о том, что его любовница и работодатель официально считается замужней дамой, понял, почему она не показывается с ним на людях – соблюдает приличия. Мужа Алины парень никогда не видел, так же как и остальные работники клуба. И сведений никаких о нем не имел. Знал только, что супруги давно живут отдельно, но почему-то не разводятся. Когда Давид спросил у Алины о муже, она так резко его отбрила, что он закрыл эту тему навсегда. Однако желание докопаться до сути не пропало. И Давид несколько раз совал нос в мобильник своей любовницы, надеясь отыскать там фото супруга или хотя бы запись «муж» в телефонной книге. Но не нашел ничего похожего.

От Алины, естественно, его любопытство не укрылось, но она не стала принимать карательных мер. Ясно, что мальчику интересно, тем более что в клубе про хозяйку каких только небывлиц не плетут. Также Алину не трогал тот факт, что Давид ей изменяет. Заведи он себе постоянную девушку, она бы взбрыкнула, но у парня случались лишь мимолетные романчики с клиентками фитнес-клуба. К тому же тот никогда не приводил их домой, за что Алина была ему очень благодарна. Как, впрочем, и за многое другое. Она понимала, что играть по ее правилам не всякий согласится. Какому мужчине понравится, когда ему не разрешают подруге звонить, а он должен отвечать на каждый вызов, быть готовым к встрече в любое время дня и ночи, а кроме того, не лезть к ней в душу, не жаловаться на трудности, не пытаться переделать любовницу, а прогибаться самому, ни слова не говорить о любви и не требовать ничего подобного от партнерши... Любой давно бы послал Алину с ее правилами подальше, а Давид со всем мирился. Потому что питал к ней трепетные чувства. И все надеялся, что она изменится.

Наивный. И милый. Очень милый мальчик...

Жаль, но Алина не могла его полюбить. Как и никого другого. Отлюбила уже свое! Давно это было и, как принято говорить, неправда... Только у других чувство хоть тлеет, а у Алины почему-то выгорело дотла. А вместе с ним и тот уголок сердца, что за любовь отвечает. С тех пор в душе Алины ничто не пело и не трепетало. И если раньше у нее внутри пульсировала огромная алая «валентинка», то теперь от нее остался черный уголек, но с ним ей было спокойнее...

Встреча с Давидом прошла удивительно хорошо. Они заказали пиццу на дом и наелись, прямо как два бездомных Шарика на задворках ресторана. С набитыми животами улеглись на диван и посмотрели футбол. Алине не хотелось секса, и Давид, научившийся без слов понимать любовницу, не приставал к ней. Просто держал за руку и иногда невинно целовал в висок.

Матч закончился поздно, и Алина хотела остаться у Давида на ночь, но вспомнила, что к завтрашнему дню нужно подготовить кое-какие документы, находящиеся дома, и засобиралась к себе.

Пока ехала, думала о том, что давно не отдыхала. Пять месяцев прошло, что для нее было очень долго. Обычно она отправлялась к морю шесть раз в году. Именно к морю, потому что там, где его не было, Алина не могла расслабиться по-настоящему, и ее мало что радовало. Взять хотя бы Париж. Какой красивый город! Но она сбежала оттуда на второй день и уехала в Сан-Тропе. «Вот прищучим с Дятловым моего преследователя, и махну в Шарм-эль-Шейх, – решила Алина. – Рыбки, обитающие в Красном море, меня умиротворят, а красивые арабы из массажных салонов расслабят».

С мыслями о скором отдыхе она поставила машину на стоянку, но едва вышла за пределы ее территории, все они мигом улетучились – из-за *того самого* взгляда. Он сначала уперся в Алинин затылок, затем переместился ниже, в межлопаточную область, после прошелся по скуле и впился в висок. Как будто ружейное дуло нацеливалось на нужный участок тела перед тем, как пуля будет выпущена!

Алина ускорила шаг. Теперь взгляд буравил шею. Он больше не метался, а был устремлен в одну точку...

Наконец Алина достигла подъезда. Быстро открыла электронный замок, скользнула за дверь, захлопнула ее и привалилась к стене. Постояв около минуты, отмерла и, стянув с ног ботильоны, побрела к лифту. Плевать, что пол не очень чистый, а консьерж смотрит с таким недоумением, что его глаза того и гляди вылезут из орбит, главное – без каблуков идти легче, а то ноги совсем плохо слушаются...

Поднявшись на свой этаж, Алина проследовала к своей квартире, открыла дверь, вошла.

В большущей прихожей, которую уместнее было бы называть холлом, горел свет. В том не было ничего удивительного, поскольку Алина всегда его оставляла уходя. Ей нравилось возвращаться в дом, где уютно горит настенный светильник. Или торшер. Или декоративное панно с морским видом. Домработница знала об этой причуде хозяйки и никогда не выключала зажженные лампы, но иногда призывала Алину к экономии электроэнергии. Но та только раздраженно отмахивалась.

Швырнув ботильоны в угол, Алина направилась в сторону кухни. Есть не хотелось, а вот выпить не мешало. Граммов сто коньяка, больше Алина себе не позволяла. Здоровый образ жизни она выбрала не по чьему-то совету (диетолога, кардиолога или хирурга-пластика), а по велению своего организма. Столовая ложка бальзама, стопка коньяка, пара фужеров шампанского, вот и вся доза алкоголя. Если Алина принимала больше, желудок лишнее отторгал. Поняв это в раннем возрасте, она перестала выпивать. Да и не интересно было. За всю жизнь она один раз напилась в «зюю», и до сих пор ей было стыдно за свое поведение. А уж коли вспомнить, как потом ломало с похмелья, так лучше на алкоголь совсем не смотреть... Но Алина смотрела. К трезвенникам она относилась с подозрением. Фужер вина кроме удоволь-

ствия нормальному человеку не принесет ничего плохого, а коль кто-то отказывается от такой малости, значит, у него какие-то проблемы...

У Алины с алкоголем проблем не было. Поэтому она позволяла себе небольшое количество высококачественного продукта. Обычно выбирала вино, но сейчас ей хотелось чего-то покрепче, чтобы нервы успокоить. На ходу снимая плащ и шарф, Алина направилась к кухне, но, не дойдя каких-то пару метров, остановилась – нога наткнулась на что-то жесткое.

Свет из прихожей не доходил до того места, где Алина находилась (вот она, прелесть огромной квартиры), поэтому она протянула руку к выключателю, но вдруг замерла... Присела и пощупала пол перед собой. Волосы! Она вскочила и нажала кнопку выключателя.

Свет, вспыхнув, осветил коридор. Алина пронзительно вскрикнула, шарахнулась назад и упала, сбив в падении этажерку вместе со стоявшим на ней бонсаем. Горшок от удара разбился и разлетелся осколками в разные стороны, земля высыпалась, бедное деревце, растеряв в полете половину листвы, шмякнулось на пол и надломилось.

Но что значила гибель растения по сравнению со смертью человека?

И с собственным сумасшествием...

Да, Алине показалось, что она сошла с ума. А как иначе объяснить тот факт, что она видела перед собой не просто мертвое тело, а... себя саму? Такое часто бывает во снах, но наяву... А она вовсе не спала сейчас – вон как болит копчик и ноет подвернувшаяся при падении нога!

И тем не менее именно Алина лежала в коридоре в растекшейся из-под тела кровавой луже.

Она зажмурилась. Потрясла головой. Потерла кулаками глаза и вновь их открыла. Но наваждение не прошло. Женщина, распростертая на полу в темной луже, была точной копией Алины. Те же пепельно-русые волосы, та же фигура, а в ушах те же сережки, что носила Алина... А еще длинный халат-кимоно, домашние туфельки и... норковая горжетка...

Алина подползла к трупу. Теперь она видела не только затылок с ухом, но и профиль. Тонкий, с горбинкой, нос, припухлые нижние веки, карий глаз, выступающий вперед подбородок...

Нос, веки, глаз и подбородок совершенно другой женщины. Не ее, не Алины!

Значит, она в своем уме. Ну, хоть это радует...

Но радость была короткой. Исчезла сразу же, как только Алина узнала покойницу...

Ее звали Светланой. Возраст – тридцать восемь. Образование – высшее педагогическое. Род занятий – домработница. Место работы – квартира совладелицы сети фитнес-клубов «Олимпус». Стаж – один год. И до сегодняшнего дня Светлана была в отпуске...

Глядя на свою домработницу, Алина заметила то, чего не замечала раньше, а именно их сходство. Нет, внешне они были абсолютно не похожи: Светлана не блистала красотой, более того, ее лицо можно было назвать неприятным, но со спины она была точной копией хозяйки. Рост, фигура, волосы. Только домработница обычно носила тугий пучок, а сегодня почему-то изменила этой привычке... И еще одежда! На работе Светлана носила синее платье с голубым передником, а домой отправлялась в светлом брючном костюме – летом, в сером – зимой. Алине она казалась женщиной, абсолютно не интересующейся ни своей внешностью, ни одеждой: в гардеробе Светы не имелось ни одной модной или хотя бы просто интересной вещи, все блеклое, дешевое. А теперь оказывается, что ей нравились красивые и дорогие вещи. Иначе зачем домработница стала бы примерять хозяйские?

И ведь она не впервые это сделала! Алина и раньше замечала на своих вещах то чужой волосок, то невесть откуда взявшееся пятнышко, то посторонний запах. Но ей и в голову не могло прийти, что в ее отсутствие в них рядится домработница и фланирует так по квартире, невесть что воображая...

Возможно, прислуга представляла себя на месте Алины? И мечтала, что когда-нибудь это произойдет?

Что ж, ее мечта сбылась... Светлана оказалась на месте Алины – и вместо нее умерла!

2

– Почему вы так думаете? – спросил у Алины старший оперуполномоченный Пашкин, оторвав взгляд от трупа.

– Но это же очевидно! – пожалала плечами та. – На Светлане мои вещи, и сходство между нами есть, вот убийца и спутал ее со мной.

Пашкин, долговязый мужчина с подвижным, как у известного заокеанского комика, лицом, кивнул и обратился к склонившемуся над телом коллеге:

– Ну, что скажешь, Петро?

– Зарезали, – ответил тот. – Но орудия убийства поблизости нет.

Затем он поднялся на ноги и проследовал в кухню. Следственная бригада прибыла на место преступления пять минут назад и только начала свою работу.

Пашкин скорчил задумчивую гримасу и стал раскачиваться, перекатываясь с пятки на носок и обратно. Когда он отклонялся назад, было заметно, что подошвы его ботинок протерты до дыр. По всей видимости, Пашкин так сильно шаркал при ходьбе, что обувь на нем просто горела. Алине это было знакомо. В детстве она вот так же снашивала сандалии, пока не занялась спортом, благодаря которому изменилась ее походка.

– Коля! – послышалось из кухни. – Коля, пригласи сюда хозяйку квартиры...

Услышав голос коллеги, Пашкин перестал качаться и указал Алине на кухонную дверь со словами:

– Сходите, посмотрите, не пропал ли какой-то нож. Очевидно, вас за этим зовут. И сразу потом ко мне...

Алина прошла на кухню. Оперативник, которого Пашкин назвал Петром, стоял возле выдвинутого ящика стола и рассматривал хранящуюся в нем кухонную утварь. Алина встала рядом.

– Все на месте, – сказала она, изучив содержимое ящика.

– Уверены?

– У меня ножей немного. Те, что в подставке, Света использовала, когда готовила, и еще пара для еды... Вот они. – Она указала на один столовый нож, потом на другой.

– Не маловато двух-то? А если гостей будет, к примеру, трое?

– У меня не бывает гостей.

– Даже на праздники друзей не приглашаете?

– Если я хочу что-то отметить, то зову приятелей в ресторан, – сухо ответила Алина, умолчав о том, что друзей у нее нет, только коллеги. – Я вам больше не нужна?

– В емкостях для специй ничего не хранили?

– Почему же? Хранила, конечно.

– И что?

– Специи, – хмыкнула Алина.

– Я имею в виду, не прятали в них ценности? Многие в муке, крупе или перце держат золотые украшения, деньги...

– Все мои ценности лежат в шкатулке, стоящей на трюмо в спальне.

– Вы ее уже проверили?

– Да. Как только вас вызвала, сразу пошла смотреть, не украдено ли что-то... Могу вас уверить – ничего не пропало. То небольшое, что у меня есть, по-прежнему находится в шкатулке... если не считать сережек в ушах покойницы.

– А кроме драгоценностей больше у вас брать нечего?

– Если только технику, но она на месте. Денег я дома не храню. А что еще можно украсть?

– Произведения искусства, к примеру, – ответил Петр, кивнув на висящую в кухне абстрактную картину.

– Цена этим произведениям – три копейки. Я не коллекционер. И та мазня, что по стенам развешана, не представляет никакой ценности.

– А документы какие-нибудь не пропали?

– Нет, – ответила Алина и потянулась к графину с водой, чтобы сделать несколько глотков, но тут из прихожей раздался голос Пашкина:

– Гражданка Валентайн, можно вас?

Алина, мысленно чертыхнувшись, отправилась на зов. Чтобы попасть в прихожую, пришлось переступить через руку покойницы и ногу присевшего возле нее фотографа, а потом через ящик с какими-то приспособлениями (скорее всего, для снятия отпечатков) и горку вывалившейся из горшка земли. Пока Алина шла по коридору, думала о том, что когда все закончится и оперативники покинут ее дом, забрав с собой труп, она не сможет остаться в квартире одна. И придется либо приглашать кого-то к себе, либо уезжать самой. Первое было предпочтительнее, поскольку мотаться по ночному городу не осталось сил, а второе проблематично. Позвать она могла только Давида, но мешало твердое правило не пускать на свою территорию любовников...

– Гражданка Валентайн, – вновь услышала Алина голос Пашкина. – Вы где там?

– Я тут, – откликнулась она, выходя в прихожую. – Слушаю вас.

– Интересная у вас фамилия. Английская?

– Не могу сказать, она мне от мужа досталась.

– А он кто по национальности?

– Русский, – коротко ответила Алина, не желая вдаваться в подробности биографии своего супруга.

– Как я понимаю, вы вместе не живете?

– Правильно понимаете.

– И давно?

– А это имеет отношение к делу?

– Естественно.

– Три с лишним года.

– А ключи от квартиры у него есть?

– Нет. Я переехала сюда после того, как мы расстались. И, предвидя ваш следующий вопрос, заявляю, что никому не давала ключей от дома, только горничной.

– И не теряли их?

– Нет.

– А это чьи? – Пашкин указал на лежавшую на полочке перед зеркалом связку. – Ваши или покойной?

– Светины. Мои в сумке.

– И они родные?

– Да. Дубликаты обычно изготавливаются без изысков, – и она коснулась указательным пальцем «шляпки» ключа, на которой были выбиты буквы «А» и «В» – Алина Валентайн. – Так что и Светлана их не теряла.

– Выходит, ваша горничная сама впустила злоумышленника. Замок-то не взломан.

– Исключено. Свете строго-настрого было запрещено не только впускать в дом посторонних, но и открывать им дверь.

– Даже соседям?

– В мое отсутствие соседям тут делать нечего.

– А если у них спички кончились или соль?

– Все это пережитки советского прошлого. Кончилась соль – сходи за ней в магазин, он через дорогу, или закажи с доставкой на дом.

– Ну а если трубу прорвало? Разве прислуга не могла сантехника вызвать?

– В таких случаях Светлана обязана была позвонить мне, и я бы решила, что предпринять. Но за тот год, что она у меня работала, никаких форс-мажорных обстоятельств не случилось. Что не удивительно – дом элитный, если вы не заметили.

– Как не заметить? В подъезде пальмы, в лифте зеркала... – хмыкнул Пашкин. И тут же вернулся «к своим баранам»: – Кстати, ваша домработница вполне могла вас послушаться и открыть дверь постороннему. Вещи свои носить вы, я думаю, ей тоже не разрешали, но запрет ей не помешал... – Опер многозначительно замолчал.

– Да, этого нельзя исключать, – вынуждена была согласиться Алина.

Теперь она ни в чем не была уверена. Это раньше, до того, как выяснилось, что Светлана позволяет себе мерить ее одежду, Алина считала прислугу образцовым работником. Трудолюбивая, аккуратная, исполнительная и, что немаловажно, не хабахистая. А то у некоторых домработницы вместо того, чтоб чистоту наводить, с прислугой из соседних квартир треплются, обсуждая своих хозяев. И ладно бы на лестничной площадке языками чесали, так собираются на хозяйских кухнях и гоняют чай. До Светланы у Алины была именно такая. Причем она тащила в квартиру не только подружек, но и любовника – электрика из ЖЭКа. Алина, когда узнала об этом, выгнала ту без выходного пособия, а нанимая Свету, поставила ей главное условие: никаких посторонних в доме. За нарушение – расчет.

– Позвольте узнать, где комната погибшей? – услышала Алина следующий вопрос и стряхнула с себя задумчивость. На сей раз к ней обращался к ней не Николай Пашкин, а Петр. – Мы должны осмотреть ее вещи.

– Светлана была приходящей работницей, так что у нее нет комнаты. Верхнюю одежду она снимала здесь, в прихожей. – Алина отодвинула дверку шкафа и указала на серый плащ с пелериной и погончиками на пуговицах – такие были в моде лет двадцать назад. – А переодевалась она в кладовке, рядом с гардеробной.

Оперативник аккуратно снял с вешалки плащ, проверил карманы. Но в них ничего кроме носового платка, двух рублей и пробитого трамвайного билета, не обнаружилось. Тогда Петр решил осмотреть сумку, висевшую рядом, но как только взялся за ручку, та оборвалась, и котомка упала за обувницу. Пришлось оперативнику опускаться на колени и, кряхтя, ее доставать.

– Не очень хорошо ваша домработница справлялась со своими обязанностями, – заявил он, поднявшись и продемонстрировав свои запыленные штаны.

– Она была в отпуске. Сегодня первый день, как вышла. Не успела, наверное, полы помыть. Я хозяйка отвратительная, в отсутствие Светы вообще ничего по дому не делала.

– Рабочий день у нее сколько длился?

– С десяти до трех где-то... Приходила она четыре раза в неделю. Я живу одна, и работы по дому немного. Правда, Света мне еще и готовила, и по магазинам ходила, и счета оплачивала. То есть заодно экономкой была.

– А дольше она не задерживалась?

– Нет. Она все успевала сделать до трех.

– А погибла около пяти, – сказал Петр, но адресовал реплику не хозяйке, а коллеге. – У нее часы на руке разбитые – стоят. И время на них без двух пять.

– Случайно не ваши часы она кокнула? – поинтересовался у Алины Пашкин.

– Мои противоударные, так что нет. У нее свои были. И вполне приличные. Вещи она копеечные носила, а часы довольно дорогие. Может, это подарок?

– Вы у нее не спрашивали?

– Нет.

– А что вы вообще знаете о своей покойной домработнице?

– Практически ничего.

– Где она жила, с кем? Чем занималась в свободное время?

– Понятия не имею.

– Как так?

– Я всегда нанимала домработниц через агентство по подбору персонала, и меня интересовали только профессиональные качества кандидаток, а уж никак не их хобби. Да, совсем забыла: я неизменно просила найти мне одинокую бездетную женщину. Чтоб не срывалась домой раньше времени к супругу и не просилась на больничный, если захворал ребенок. Поскольку за год Светлана ни разу не нарушила рабочий режим, я предполагаю, что ни мужа, ни детей у нее не было. А вот с кем она жила, одна или с родителями, не имею представления.

– Вы что же, ее личного дела не видели? Не проводили собеседования?

– Нет, поручила это своему секретарю. Не до того мне тогда было...

– Чем же вы были заняты?

– Лежала в больнице – мне оперировали травмированную в юности ногу. Когда выписалась, Светлана уже работала. И то, как она справлялась, меня вполне устроило.

– А по душам вы никогда не разговаривали?

– Мы очень редко виделись. Как правило, я уезжала на работу до того, как Света являлась, а возвращалась после ее ухода. Но в те редкие дни, когда мы пересекались, на личные темы не говорили.

– Считаете зазорным болтать с прислугой?

Алина пожала плечами. Она не была снобом и не считала людей, прислуживающих другим, второсортными, просто с теми, кто на нее работал, не важно с кем – уборщицей или заместителем, – держалась подчеркнуто холодно. Между работодателем и подчиненным должна сохраняться дистанция. Но не объяснять же все это Пашкину!

Тут дверь квартиры распахнулась, и в прихожую ввалился еще один оперативник. Он был очень тучен, и с его появлением в просторной прихожей стало тесновато.

– Консьержа допросил! – выпалил он, немного отдышавшись. – Узнал кое-что интересное.

– И что же? – спросил Пашкин.

– Сегодня в квартиру гражданки Валентайн был пропущен сантехник.

Услышав сообщение, Пашкин хмыкнул и глянул на Алину. Та поражено молчала.

– Явился он в шестнадцать часов, – продолжал опер. – За полчаса до того домработница позвонила на вахту и велела консьержу впустить сантехника, которого только что вызвала. Якобы в квартире гражданки Валентайн начал подтекать кран.

– Ерунда какая-то, – обрела наконец дар речи Алина. – Вся сантехника в полном порядке! У меня стоит дорогушая, с трехлетней гарантией...

– Консьерж тоже подивился, что у вас неполадки, но мастера впустил.

– Внешность его он запомнил? – вклинился в разговор Пашкин. – Фоторобот сможет составить?

– Сантехник был в спецодежде и резиновых сапогах. На голове кепка. На глазах темные очки – на улице было солнечно. И у него была густая борода.

– Как пить дать, накладная.

– Скорее всего. Уж больно он маскаратно выглядел.

Пашкин открыл рот, желая что-то сказать, но тут Петр, не участвовавший в разговоре, а с озабоченным видом рывшийся в сумке покойной, воскликнул:

– А вот и паспорт! Ну-ка, ну-ка, посмотрим... – Он вытащил документ, и, пробежав глазами по страницам, хмыкнул: – Как же вы, гражданочка, ошибались... У домработницы вашей покойной есть и муж, и ребенок!

– Даже так? – заинтересовался Пашкин. – А поподробнее?
– Сын Алексей Дмитриевич Абрамов двенадцати лет. И муж Дмитрий Петрович Абрамов сорока трех. Брак заключен семнадцатого числа...
– Стоп! – резко оборвал его тучный опер. – Как ты сказал, его зовут?
– Кого именно?
– Да мужа, мужа!
– Дмитрий Петрович Абрамов. А что?
– Знакомое что-то... – Опер погрузился в раздумья и стал расхаживать по прихожей. Но так как пространства для маневра было мало, он сел на кушетку и, подперев подбородок кулаками, забормотал: – Дмитрий Петрович Абрамов... Абрамов... – Тут его осенило: – Вспомнил!
– Ну и? – поторопил его Пашкин, все это время с интересом следивший за действиями коллеги.

Но тот отмахнулся от него и обратился к Алине:

– У вас есть компьютер?

– Конечно.

– Можно им воспользоваться?

– Валяйте. – И она показала, куда следует пройти.

Тот сразу включил компьютер, а когда экран ожил, сунул в разъем вынутую из кармана флэшку и защелкал мышкой, пояснив:

– У меня тут база по беглецам, утром скачал, чтобы на свой комп перекинуть. Сейчас я вам кое-что покажу. Секунду...

Алина и коллеги с любопытством следили за его действиями, но ничего не понимали, пока на мониторе не появилась фотография сурового бородатого мужчины, одетого в тюремную робу, подписанная: Абрамов Дмитрий Петрович.

– Он что, сидит? – спросила у толстого опера Алина.

– Сидел. А ныне в бегах. Я же сказал, это база по разыскиваемым преступникам.

– Когда был совершен побег? – задал вопрос Пашкин.

– Две недели назад.

– А осужден Абрамов за что?

– За убийство, – ответил толстый опер, выводя на экран дело Абрамова. – Трех человек порешил. Причем ходка у него была вторая. Первый раз Абрамов в молодости сидел. Тоже за убийство. Восемь лет ему дали. Вышел досрочно. Но через пять годков опять загремел. На сей раз ему впяли четвертак. Отсидел только десять и вот сбежал...

– А домработница ваша, – обратился к Алине Пашкин, – когда, говорите, в отпуск ушла?

– Две недели назад.

– Он был запланированным или внеочередным?

– Вообще-то ей был положен отпуск – Светлана отработала у меня год, но отдохнуть она собралась как-то неожиданно. В понедельник приехала чуть свет, я еще спала, и попросила дать ей с этого дня две недели отпуска. Я спросонья обычно злая, поэтому наорала на нее и заявила, что надо было заранее договариваться, чтоб я на время ее отсутствия замену нашла. Но она все же меня упростила...

– Значит, женщина очень настаивала на отпуске?

– Очень. Даже день согласна была потерять – в понедельник-то я ее по полной программе припахала.

– Ну что ж, кажется, все ясно, – проговорил Пашкин, и коллеги согласно закивали. Алине же ход их мыслей был неведом, поэтому она спросила:

– Что вам ясно?

– Узнав, что муженек дал деру из тюрьги, она испугалась и решила спрятаться где-нибудь, пока его не поймают. Взяв отпуск, уехала из города. Но, вернувшись, выяснила, что супруг все еще на свободе...

– Очевидно, он хотел с ней встретиться, – подхватил его мысль Петр. – Чтоб супружница денег подкинула, одежонки какой... Женщина назначила ему встречу в вашей квартире. Абрамов где-то раздобыл рабочую робу (навверняка украл, и не сегодня, а гораздо раньше – это ж хорошая маскировка) и под видом сантехника прошел в дом. Что дальше произошло между супругами, остается только гадать, но скорее всего, они поругались, и Абрамов убил свою жену...

– Так что, гражданка Валентайн, – закончил Пашкин, – вы тут совсем ни при чем, и вас убивать никто не собирался.

– Поэтому можете спать спокойно, вам ничто не угрожает, – подпел ему Петр. Но Алина подумала: «Как же вы ошибаетесь, ребята! Убить хотели именно меня...».

3

Алина тихонько выбралась из кровати и, сунув ноги в тапки, вышла из спальни. Часы показывали начало второго ночи, но сна не было ни в одном глазу. Устав приманивать дрему пересчетом воображаемых овец, решила подогреть молока с медом. Обычно такое питье ей хорошо помогало.

Оказавшись в кухне, Алина включила плиту. Достав из холодильника пакет с молоком и банку меда, смешала ингредиенты в ковше и водрузила его на газ.

– Не спится? – услышала она за спиной и вздрогнула. Прекрасно понимая, что кроме Давида в ее квартире больше быть некому, она все же испугалась.

– А ты зачем встал? – спросила Алина, повернувшись к любовнику.

После того, как Пашкин и компания покинули ее квартиру, забрав с собой труп Светланы, она минут пятнадцать сидела без движения в кресле в холле и проворачивала в голове всевозможные мысли. Но так как уставший мозг отказывался функционировать, ничего толкового на ум не пришло, и Алина решила сменить дислокацию. А именно – переместиться на кухню, чтобы выпить наконец те самые пятьдесят граммов коньяка, о которых мечтала, придя домой. Встав с кресла, она сделала несколько шагов по коридору, но, когда взгляд уперся в меловой абрис на полу, остановилась. Покойников Алина никогда не боялась и в привидения не верила, но при мысли о том, что здесь еще недавно лежал мертвец, ей стало не по себе. Идти на кухню расхотелось. Пить коньяк тоже. Единственным желанием было прижаться к кому-то, живому и теплomu, и уснуть.

«Жаль, что у меня нет собаки, – подумала она. – Или кошки... А хоть бы и хомяка! Я бы взяла его в руки и гладила по мягкой шерстке до тех пор, пока душа не наполнится покоем, а сон не окутает сознание...».

Мысли ее оборвал телефонный звонок. Алина подошла к столику и достала из сумки сотовый. Оказалось, Давид прислал ей несколько сообщений, но, не дождавшись на них ответа, решил позвонить.

– Алина, ты что молчишь? – взволнованно начал молодой человек, когда она ответила. – Я весь извелся...

– Прости, – только и смогла сказать Алина. У них был уговор: как только она добирается до дома, сразу сообщает об этом любовнику. Чтоб не волновался.

– Все в порядке, надеюсь?

– Со мной – да.

– Слава богу! Я уж не знал, что и думать, когда ты...

– Давид, ты знаешь, где я живу? – не дала ему договорить Алина.

– Конечно.

– Тогда приезжай.

– К тебе? – не поверил своим ушам Давид. – Домой?

– Да.

– Буду через двадцать минут, – бросил он в трубку и отсоединился.

И ведь прибыл! Ровно через двадцать минут! Тогда как Алина добиралась от него полчаса. Но она ездила на машине, а Давид на мотоцикле, и ему пробки были не страшны.

К тому моменту, как он приехал, Алина успела навести порядок в коридоре: подмести землю, собрать черепки и вымыть пол. Кроме того, она приняла душ и заварила себе чай. Да только выпить его не успела – явился Давид с бутылкой французского шампанского, коробкой конфет и розами. Для него приглашение к ней в гости было праздником, который следовало отметить.

Но Алина не собиралась пить с Давидом шампанское, есть конфеты и вдыхать аромат цветов. Разговаривать с ним она тоже не хотела. Пришлось бы все ему объяснять, а у нее на это не было сил. Поэтому она молча обняла его и притянула к себе. Давид, как всегда, сразу уловив ее настроение, поднял Алину на руки и понес в спальню.

После секса, долгого и невероятно страстного, почти грубого, он быстро уснул. А Алина, хоть устала не меньше, не могла даже задремать. И вот теперь она грела себе молоко с медом, чтобы хоть под утро забыться сном. А чувствительный Давид, заметивший ее отсутствие рядом, стоял в дверях. Голый, прекрасный, как античная статуя.

– У тебя что-то стряслось? – спросил он, проходя к угловому дивану и усаживаясь на него.

– Накинь на себя что-нибудь, пожалуйста. Ты же знаешь, как я не люблю нудизма...

На самом деле она спокойно относилась к его привычке ходить обнаженным по дому. Мужчина, обладающий такой фигурой, имеет на это право. Но в момент раздражения ей хотелось к чему-нибудь придраться.

Давид сдернул с крючка полотенце и прикрыл им бедра.

– Так что случилось, Алина?

Она отмахнулась.

– Я не отстану, – предупредил Давид, – пока не скажешь, что стряслось. Я...

– Убили мою домработницу.

– Во время отпуска? Я помню, ты говорила, что дала ей...

– Ее убили здесь! – сорвалась на крик Алина. – В моей квартире! Представляешь, я пришла, а она лежит на полу в луже крови...

Давид вскочил с дивана, подлетел к ней и порывисто обнял. Он думал, что у Алины сейчас начнется истерика – впервые при нем любовница повысила голос. Но она тотчас взяла себя в руки.

– Отпусти меня, Давид, молоко убегает, – сказала ровным голосом.

Молодой человек послушно разжал руки и отступил.

– Будешь пить молоко? – спросила Алина.

– Нет. – Он снова опустился на диван и водрузил упавшее полотенце на место. – А вот чтобы ты мне все рассказала, хотел бы.

Алина, налив себе молока, уселась на высокий табурет и кратко обрисовала картину преступления. Выслушав ее, Давид уверенно заявил:

– Ты не согласна с ментами.

Алина в который раз подивилась его проницательности и утвердительно кивнула.

– То есть ты не веришь в то, что убийца беглый преступник?

Она повела подбородком из стороны в сторону.

– Но кому еще понадобилось убивать твою домработницу, если не ее мужу-преступнику?

– Ее – никому, а вот меня...

Зрачки Давида удивленно расширились.

– За мной последние дни кто-то следил, – призналась Алина. – Не знаю, кто – мужчина или женщина, не представляю, как этот человек выглядит.

– Так как же ты узнала, что следят именно за тобой?

– Почувствовала... Вот этим местом! – И хлопнула себя по шее. – Только не говори, что мне всего лишь показалось.

– Я и не собирался.

– Да? Странно... Вы же, мужчины, так рациональны, а женскую интуицию воспринимаете как бабскую блажь.

– С чего ты взяла?

– Мне не далее, как час назад, дали это понять. Когда я рассказала о своих наблюдениях и предчувствиях Пашкину, оперуполномоченный только криво усмехнулся. Потом принялся

убеждать меня в том, что следили не за мной, а за Светой. Вернее, пасли ее у подъезда. И делал это, естественно, ее муж.

– Вполне вероятно...

– Тот человек излучал ненависть, понимаешь? И она была направлена именно на меня.

Давид хотел что-то возразить, но Алина не дала ему открыть рта:

– Ладно, закончим этот разговор, иначе поругаемся.

– Подожди, Алина, давай обсудим.

– Нет, я больше не хочу об этом говорить. Пошли в кровать, кажется, я захотела спать. –

Она залпом выпила остывшее молоко. И, не дождавшись, когда Давид поднимется с дивана, вышла из кухни.

В спальне сразу скинула с себя халат и легла. Но обнаженной Алина почувствовала себя неуютно и решила надеть любимую майку-тельняшку. Она всегда спала в ней, лишь иногда, когда нездоровилось, меняя на пижаму. Шикарных же рубашек из шелка у Алины не было. И не только потому, что она жила одна. Алина знала, что некоторые женщины облачаются в них не для мужчин, а чтобы ощущать себя вечно прекрасными, но ей было плевать на то, как она выглядит ночью. В растянутой и чуть полинявшей тельняшке было так уютно, что остальное не имело значения. Даже то, что сегодня она спит не одна!

Майку Алина по утрам всегда засовывала под подушку. Привычка осталась у нее с детства и юности, а именно после спортивных лагерей, куда Алина отправлялась каждое лето. Там, если не положишь вещь на место, потом ее не найдешь, а она еще тогда любила спать в удобных вещах. Теперь можно было не опасаться за сохранность майки, но не зря говорят, что привычка – вторая натура, поэтому тельняшка всегда лежала под подушкой. Света, постирав ее и погладив, укладывала майку не в шкаф, а именно туда.

Алина приподняла подушку, чтобы вытащить футболку, но тут ее взгляд привлек блестящий кружочек размером с горошину. Только он был плоским и походил на маленькую голограмму. Алина наклонилась, чтобы рассмотреть его, и громко вскрикнула...

– Что случилось? – взволнованно спросил Давид, вошедший в спальню следом за любовницей и остановившийся у кресла, возле которого Алина бросила халат. Молодой человек не любил беспорядка и решил поднять его с пола, повесить на спинку.

Но Алина не ответила. Она протянула руку и указательным пальцем коснулась сверкающего кружка. Это была блеска, какие обычно клеят на одежду. На дешевую одежду, потому что на дорогую их нашивают. И с копеечной тряпки такие блески почти сразу отваливаются. Сегодня Алина уже видела вещь, украшенную подобными «голограммами», – бюстгальтер алого цвета на Светлане. Когда женщина упала, халат из скользкого шелка распахнулся, оголив обтянутую синтетическим кружевом грудь.

– Она была тут, – прошептала Алина. – Представляешь? Она валялась на моей кровати... до того, как умерла...

Давид не сразу ее понял, но когда увидел, как Алина, вскочив, срывает с кровати постельное белье, до него дошел смысл фразы.

– Помоги мне! – прокричала Алина, у которой никак не получалось вытащить одеяло из пододеяльника. – Надо немедленно все поменять...

Давид отобрал у нее одеяло и быстро высвободил его из атласного чехла. Затем вытряхнул из наволочек подушки. Но Алина вдруг передумала застилать кровать чистым бельем:

– Брось, все брось! Надо все выкинуть... Одеяла и подушки тоже!

– А почему бы не кровать? – спокойно проговорил Давид, надеясь шуткой вернуть Алину в нормальное состояние.

– Да, ты прав. Ее я тоже выброшу.

– Не глупи, Алина. Подумаешь, на твоей постели полежала домработница... Она же не прокаженная была.

– Она не просто на ней полежала, она на ней трахалась!
– С чего ты взяла?
– Судмедэксперт, осмотрев труп, предположил, что у Светланы незадолго до смерти был секс.

– Он заметил следы полового сношения? Сперму?
– Нет, характерные синячки-засосы на груди и внутренней стороне бедер. Остальное покажет экспертиза. Но я теперь точно знаю: Света занималась сексом вот здесь! – Алина хлопнула ладонью по матрасу. – А потом тот, кому она отдалась на моих простынях, ее убил!
– Алина, послушай... – Давид сделал к ней шаг, но не подошел вплотную, а лишь успокаивающе коснулся ее плеча. – Все это, конечно, неприятно, но я бы не стал драматизировать. Мы меняем белье и, если хочешь, одеяла с подушками, но этого достаточно...

– Я не буду спать на этой кровати!
– Хорошо, пойдем в другую комнату. Ляжем в гостиной на диване. Или в кабинете на тахте. – Давид сделал еще один шаг. Теперь их разделяли сантиметры. – Тебе нужно поспать, понимаешь? Иначе все закончится нервным срывом.

– В квартире есть комната для гостей, можно лечь там... – Алина криво улыбнулась. – Гости не бывает, а комната есть.

– Как нет гостей? А я? – Разделительных сантиметров больше не существовало. Давид преодолел их одним движением торса. Прижавшись к Алине, он зарылся носом в ее волосы и прошептал: – И я с тобой...

«Как здорово, что ты здесь, – подумалось Алине. – Что бы я делала сейчас, если б не ты..? В одиночестве сходила бы с ума...»

Но свои мысли она не озвучила. Ставшую классической фразу Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили» – Алина никогда не употребляла, считала ее затасканной, но про себя повторяла довольно часто. Всякий раз, когда ей хотелось ответить на нежность Давида, именно она ее останавливала. Заставляла оставаться холодноватой. Чтобы не приручать и не нести потом за это ответственности...

– Пойдем, я тебя уложу? – не повышая голоса, предложил Давид. – А потом уберу здесь все и приду к тебе...

Алина кивнула и собралась сделать шаг, но Давид поднял ее и понес в гостевую спальню на руках. Уложив любовницу в кровать и заботливо укрыв одеялом, присел рядом и спросил:

– Тебе что-нибудь нужно? Молока, воды, чаю?

Она покачала головой.

– Может, ту тельняшку, которую ты хотела достать?

– Выкини ее вместе с постельным бельем. А мне дай, пожалуйста, пижаму. Она в комод.

Давид сходил в спальню и принес то, о чем Алина просила. Она быстро облачилась в пижаму и сожалением протянула:

– Я буду скучать по своей майке. Мы с ней были неразлучны целых два года.

– Это небольшая цена за спокойствие.

– О чем ты?

– Раз Светлана перед смертью занималась сексом в твоей кровати, значит, ее совершенно точно убил муж. Кого бы еще, кроме него, она впустила в квартиру хозяйки, для того чтобы предаться плотским утехам? Постоянный любовник у нее вряд ли имелся, а случайного она наверняка не привела бы...

«Логично, – мысленно согласилась с ним Алина. – Света была очень здравомыслящей женщиной и не пригласила бы в квартиру чужака. Тем более для секса, ведь рисковать работой ради сомнительного удовольствия глупо...»

– Возможно, ты прав, – вынуждена была признать она.

– Конечно, я прав, – улыбнулся Давид. – А теперь спи...

Алина закрыла глаза. И уже через несколько секунд провалилась в сон.

Глава вторая Прошлое

1

Алина выпрыгнула из постели ровно в восемь утра. Она проспала. Поэтому необходимо было собраться не как обычно за час, а минут за двадцать. Сделать это было крайне сложно, ибо на такую банальную процедуру, как умывание, у нее уходило не менее четверти часа. А еще надо было привести в порядок волосы, тронуть блеском губы, пробежать пуховкой по лицу, повертеться перед зеркалом, любуясь плодами своего труда. Да и кофейку выпить не помешало бы. Но на все эти приятные и необходимые манипуляции Алина решила наплевать, ведь если она опоздает, ее тренерша Маргарита Эрнестовна весь день будет зла, как фурия, и не даст спокойно потренироваться, изводя своими придирками.

Алина наспех умылась, расчесала волосы, но губы все же подкрасила. И не забыла провести кисточкой с румянами по щекам. Видела бы ее мама, наверняка заворчала бы, что столь юной девушке косметика только вредит. Но Алина была с ней не согласна. Конечно, в семнадцать лет пользоваться тональным кремом еще рано, и жирные подводки рисовать неуместно, но чуть оживить губы, подчеркнуть скулы просто необходимо. Тем более, когда этих самых скул как будто и нет. Вот щеки есть – пухлые, не вяжущиеся с остальными чертами лица: маленьким носом, изящным подбородком, тонкими бровями. Будто щеки были позаимствованы у другой женщины, деревенской молочницы или пастушки.

Девушка крутанулась перед зеркалом, окинула себя взглядом. Вот фигура у нее – что надо. Длинные ноги, тонкая талия, красивые руки, натренированные многолетними упражнениями с ракеткой. А как великолепно она смотрится в своем теннисном костюмчике, особенно когда белая плиссированная юбка взмывает вверх, обнажая стройные бедра... Все же хорошо, что она упростила маму записать ее в секцию большого тенниса, а не какого-нибудь дзюдо, иначе к своим семнадцати годам была бы похожа на кряжистый пень или тумбочку на кривых ножках. Конечно, теннис требует колоссальных затрат – одна хорошая ракетка стоит, как двухкамерный холодильник, – но зато перспективы открываются... Алина мечтательно закрыла глаза, представив, как через год будет участвовать в Уимблдоне, как все будут ею восхищаться, и как сразу после дебютного и, естественно, победного матча какой-нибудь лорд пригласит ее на свидание.

Алина заставила себя вернуться к действительности. Мечты о славе, конечно, приятны, но если она опоздает на тренировку, вредная Маргарита может отстранить ее от предстоящего в конце месяца первенства Москвы, а тогда и Уимблдона ей не видать, как своих ушей.

Девушка, на бегу натягивая пуховик, вылетела из подъезда и припустила к метро. Она просто обязана успеть к началу тренировки! Иначе лекция о том, что смазливая мордашка не гарант жизненного успеха, ей обеспечена. Вообще Алина считала, что Маргарита Эрнестовна слишком строга и порой даже несправедлива к ней. А все почему? Да потому, что тренерша старая и страшная, она, несмотря на то, что когда-то была известной теннисисткой, так и не смогла сделать хорошую партию, оставшись в свои сорок старой девой, Алина же молода, красива, и мужики сходят по ней с ума. Так что причина каждодневных придирок не в скромных способностях ученицы, а в банальной женской зависти.

Подошел поезд. Алина заскочила в него, кинула сумку на сиденье, сама же осталась стоять – еще выпачкает свои белые брючки в какой-нибудь гадости, отстирывай их потом. Вообще к вещам Алина относилась очень бережно, носила их аккуратно и подолгу. А что поделаешь, если сама ты только что окончила школу, мама работает медсестрой, получая гроши, а отца у тебя отродясь не было?

– Девушка, с вами можно познакомиться?

Избитый вопрос прозвучал над ухом Алины, когда она уже собралась выходить.

– Нет, – автоматически буркнула девушка и придвинулась к двери.

– А почему?

Алина вскинула глаза на приставучего идиота, на поверку оказавшегося довольно симпатичным пареньком ее возраста, и отчеканила:

– Потому что.

После чего вышла, даже не глянув больше на расстроенного поклонника. Алина уже привыкла резко «отшивать» таких вот малолетних почитателей своей красоты. Они ей были ни к чему. Мужчины, с которых нечего взять, ее не интересовали. Уже лет в пятнадцать Алина поняла, что представителей сильного пола красит не атлетическая фигура или точеный профиль, а счет в банке. Поэтому молодые стройные студенты, интересные и милые сердцу ее ровесниц, ей были глубоко безразличны. Что они могут предложить Алине, красавице, умнице, спортсменке? Свое сердце? Обожание? Неумный темперамент? Нет уж, увольте. Гораздо приятнее, когда у твоих ног весь мир. Пусть и положил его к этим самым ногам толстый, пожилой язвенник...

Алина вышла из метро. В лицо сразу ударил порыв ледяного ветра. А она-то и не заметила поначалу, до чего на улице промозгло. Что и не удивительно – осень.

Девушка надвинула на голову капюшон и, перепрыгивая через лужи, быстрым шагом двинулась к знакомому зданию спортшколы, в которой занималась уже восемь лет. Пришла сюда Алина по своей воле, а не как большинство детей, записанных в секцию по прихоти родителей, мечтавших о головокружительной карьере своих чад. Помнится, мама ее долго отговаривала, заманивала в хореографию или на гимнастику, но Алина бредила теннисом. И видела себя только на корте. Причем сама не знала, почему именно на нем. Ведь тогда, восемь лет назад, теннис не был символом успеха, в него не играли ни президент, ни олигархи. Да и самих олигархов, как, впрочем, и президента, в России еще не было.

– Азарова! – окликнули ее из темноты.

Алина обернулась, приготовившись оправдываться. Она опоздала-таки на две минуты и предполагала, что Маргарита так просто этого не оставит.

– Азарова, ты случайно не знаешь, меня никто не искал? – спросила тренерша, приближаясь. Она почему-то редко называла Алину по имени.

Девушка облегченно выдохнула – видимо, взбучки она избежала, так что можно расслабиться.

– Нет, Маргарита Эрнестовна, а что?

– Да девочку сегодня должны привести, Снежану Ганину. Может, слышала о такой?

Алина отрицательно замотала головой и поинтересовалась:

– А кто это?

– Очень одаренная теннисистка. С перспективами. Взяла юниорский кубок мира в Нидерландах и все возможные в родной Белоруссии. Теперь к кубку Кремля готовится.

– А вы при чем? – не очень вежливо осведомилась Алина, обидевшись на комплимент в адрес другой спортсменки. Она была очень ревнива к успеху других, особенно если его признавала Маргарита, от которой ничего кроме «нормально сыграла» ей самой слышать не доводилось.

– У меня тренироваться будет.

– Так она же из Белоруссии.

– Сейчас девочка с родителями переехала в Москву. Сменила гражданство. На предстоящем кубке будет представлять Россию.

– И сколько девочке?

– Как и тебе, семнадцать. – Маргарита хмуро взглянула на подопечную и добавила: – Но смотри, чего она уже добилась!

Алина вспыхнула и, не говоря ни слова, развернулась, чтобы уйти. Однако тренерша схватила ее за рукав:

– Если увидишь Ганину, проводи ко мне.

Алина буркнула «ладно» и убежала в раздевалку.

Настроение было испорчено. И даже восхищенные, с оттенком зависти, взгляды девочек, бросаемые на ее налитую грудь во время переодевания, не смогли его улучшить. Алина злилась. От злости швыряла полотенце, носки, резинку для волос. И надо было этой Ганиной-Фиганиной припереться именно в *ее* школу, навязаться именно *ее* тренеру! Теперь все будут охать, ахать, умиляться при виде провинциалки-новенькой, особенно Маргарита, вечно недовольная результатами своей подопечной Азаровой. Вот, скажет, посмотри на Снежаночку, кубков у нее – на полке не помещаются, а у тебя только три. И упорная она, и быстрая, и серьезная...

Алина зло пнула дверцу своего ящика. И имя-то у этой Ганиной, будто по заказу: звучное, красивое. Не то что у нее. И выглядит она, наверное, при таком-то имени о-го-го. Скорее всего, блондинка с белоснежной кожей, не зря же ее родители Снежаной назвали. Алине от таких мыслей стало еще хуже. Она ведь привыкла быть королевой. Если не корта, то хотя бы красоты.

– Азарова, чего зависла? Ну-ка марш в зал! – услышала Алина грозный окрик тренерши и поспешила из раздевалки.

Но на протяжении всей тренировки образ белокурой соперницы не давал Алине сосредоточиться. Успокоилась она только тогда, когда в темном коридоре школы юный легкоатлет признался ей в любви.

2

Алина проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо. Она открыла один глаз и увидела перед собой недовольное мамино лицо.

– Чего тебе? – хриплым со сна голосом спросила Алина.

– Вставай.

Девушка посмотрела на часы – они показывали десять минут девятого – и недовольно отмахнулась.

– Рано еще, мне сегодня к десяти. – Она отвернулась от матери, проворчав: – Пospать не дадут.

– А мне дадут? – истерично выкрикнула мама Галя. – Я с ночной пришла. Только легла, а тут этот твой...

Алина села на кровати, соображая, кого подразумевает мама. И только теперь, когда сон совсем слетел, услышала пронзительный звук автомобильного гудка, врывающийся в квартиру с улицы через приоткрытую форточку.

– Эдик, что ли, приперся?

– А кто еще? – более спокойно сказала мать. – Сигналит, дурила, уже пятнадцать минут. Весь дом, наверное, разбудил.

– И правда, дурила, – хмыкнула Алина.

– Выгляни хоть, а то не уберется ведь до вечера, – устало произнесла мама, выходя из комнаты.

Алина подбежала к окну. Выглянула. Во дворе, сияя серебристыми боками, стоял красавец-автомобиль марки «БМВ». Рядом с ним, сверкая фарфоровыми зубами, маячил Эдик – мужчина, не в пример своему авто, неказистый, даже несмотря на дорогое пальто и ботинки из змеиной кожи.

Алина высунулась в форточку и крикнула:

– Ты чего расшумелся?

– Алина! – обрадовался Эдик. И, подняв голову к ее окну, прокричал: – Я подарок тебе привез!

– Какой?

– Вот! – Он вытянул вверх руку, в которой была зажата большущая плетеная корзина. – Ты же говорила, что тебе перед кубком надо хорошо питаться, вот я и купил все необходимое. – Эдик залез своей короткопалой пятерней под бумагу, закрывавшую гостинцы, и вытащил белый пузырек. – Даже витамины достал, про которые ты говорила. Еще тут икра, лосось, печеночный паштет... что еще... мюсли, йогурты и прочая полезная гадость.

– Поднимайся, – милостиво скомандовала Алина, после чего захлопнула форточку.

Девушка накинула халатик, причесалась и даже чуточку подкрасила щеки, отметив, что выглядит удивительно хорошо. А как еще может выглядеть юная девушка с длинными русыми волосами, синими бархатными глазами и пухлыми губами?

В дверь позвонили, и Алина пошла открывать. Как и следовало ожидать, явился Эдик с корзиной. Вообще-то вот уже лет шесть мужчину звали Эдуардом Петровичем – величать просто по имени столь солидного бизнесмена, да еще и отца троих детей-подростков, никто не решался. Познакомились Алина и Эдик на одном столичном турнире, в котором она принимала участие, а господин предприниматель выступал в роли спонсора. К слову, Алина тогда позорно проиграла, но в качестве утешительного приза получила господина предпринимателя.

В первый же день знакомства Эдик повел Алину в ресторан, где они провели прекрасный вечер, к концу которого ошалевший от сексуального магнетизма юной теннисистки бизнесмен

сделал ей непристойное предложение. Кроме отказа в тот памятный вечер он получил еще и стаканом по голове.

Так завязался их роман. Хотя, по большому счету, их отношения назвать романом можно было с большой натяжкой. А сводились они к следующему: Эдик заваливал Алину подарками (между прочим, не слишком дорогими, поскольку, видите ли, считал, что дорогие могут ее оскорбить) и все ждал, когда неприступная она ему отдастся, девушка же тянула время, набирая себе цену. Знала, что девственность стоит дорого, и намеревалась продать ее за очень большие деньги.

Сейчас Эдик с корзиной в руках проследовал за Алиной на кухню. Он шел на пару шагов сзади, и взгляд его, вождедеющей и тоскливый, буравил ягодицы девушки. Алина обернулась и, увидев выражение лица своего ухажера, хмыкнула – ей нравилось его дразнить. И шелковый халатик, еле-еле прикрывающий попку, она накинула не случайно, ведь выглядит в нем особенно соблазнительно. К тому же вырез у него был настолько глубоким, что если резко повернуться, ее небольшие, но округлые, по-взрослому спелые груди просто вываливаются наружу.

Алина присела на табурет, пригласила Эдика последовать ее примеру. Мужчина слотнул и в изнеможении плюхнулся рядом.

– Чайку? – промурлыкала Алина и после утвердительного кивка повернулась, чтобы водрузить чайник на плиту. Маневр удался – халатик, как и было задумано, распахнулся, в вырезе тут же показалась правая грудь, сверкнув маленьким розовым соском.

Алина притворно смутилась и не слишком поспешно запахнула халат. Тут Эдик ее удивил: с мучительным стоном он бухнулся перед ней на колени, обхватил волосатыми руками ее бедра и стал покрывать их неистовыми поцелуями.

Девушка терпела. Конечно, поток страстных лобзаний был ей неприятен, но она знала, что это надо пережить, ведь должен же мужик пригубить вина, чтобы захотеть купить всю бутылку. Однако чем слюнявее становились поцелуи, тем больше Алина напрягалась. Наконец, не выдержала.

– Хватит! – сказала она и резко отстранила голову Эдика.

– Но, кошечка моя... – попытался протестовать мужчина, вытягивая губы трубочкой, дабы запечатлеть на Алининых коленях еще один чмок.

– Хватит. – Она поцеловала Эдика в лысоватый вспотевший лоб. – Ты же знаешь, я не могу.

– Но когда? Я умираю от желания!

– Я пока не готова.

– Ну опять старая песня, – в сердцах бросил он и рывком поднялся. – Только и слышу «не готова, не готова».

– Надоело это слышать? – спокойно спросила Алина.

– До чертиков! – рявкнул Эдик. – Бегаю за тобой, как мальчишка, а ты...

– Так тебя же никто не заставляет, – лениво протянула девушка и закинула ногу на ногу, сверкнув краешком белых кружевных трусиков. – Можешь не бегать, можешь вообще исчезнуть из моей жизни. Я переживу.

Эдик испуганно уставился на Алину.

– Ты серьезно?

– Более чем, – ответила та, потягиваясь. – Раз тебя не волнуют *мои* чувства, а волнует лишь *твоя* похоть, то ради бога, катись на все четыре стороны. – Она холодно посмотрела на него и отвернулась к окну.

– Алинушка, – чуть ли не всхлипнул мужчина, – Алина, ты что? Обиделась? Да? – Эдик преданно заглянул ей в глаза. – Ну не надо. Ну прости! – Он опять упал перед ней на колени. – Прости дурака. Я же не хотел... Я только устал... Я ведь очень тебя люблю...

– Тогда потерпи, милый, – мягко прошептала Алина и нежно потрепала Эдика по плешивому затылку. – Я скоро буду готова.

– Скоро? – с надеждой переспросил он.

– Скоро, – заверила девушка.

Потом Эдик ушел, напоследок облизав ей шею.

Когда дверь за ним закрылась, Алина брезгливо вытерла кожу. Гадость! Какая же гадость! Неужели обязательно богатому мужчине иметь такую отвратную внешность и столь обильное слюноотделение? Ведь бывают же приятные мужики, и некоторые даже сносно целуются. Алина тут же вспомнила своего учителя химии, с которым целовалась в лаборантской в четырнадцать лет. Вот же красавец был! А плечищи какие, ух! Но – гол как сокол. Что поделывать, будь ты хоть сто раз раскрасавцем, больше положенной учительской ставки тебе не заплатят...

Алина тряхнула волосами, как будто отгоняя грусть. Грустить ей некогда. Впереди «день Ч» и надо к нему подготовиться. Под «днем Ч» она подразумевала даже не день, а ночь, и ночь эта, как ей думалось, выдаться довольно уютной и не слишком приятной, ведь провести ее она должна с плешивым и тщедушным Эдиком.

Девушка не врала ему, говоря, что еще не готова. Она и впрямь вся внутренне сжималась, представляя его тощее тело без всегдашней дорогой одежды. Но еще больше содрогалась, когда начинала думать о том, что просто отдаться ему ей не удастся. Эдику, мужику взрослому, опытному, потребуются изощренные ласки, а то и – фу, какая гадость! – оральные сексы. Нет, ничего против изощренных ласк Алина не имела и даже прodelывала кое-какие штучки с парнями из своей спортшколы, но, во-первых, все их сексуальные шалости не причиняли вреда ее девственности, а во-вторых, происходили между равноправными партнерами: то есть молодыми, неопытными подростками.

Конечно же, спортсменчики были все как на подбор мускулистые, высокие, симпатичные, и кувыркаться с ними на скрипучих кроватях летних лагерей было одно удовольствие. Но! Кроме бутылки лимонада да пачки жвачки юные красавчики ничем Алину одарить не могли. Зато Эдичка даст ей гораздо больше. Кстати, что именно потребовать от него после так ожидаемой перезрелым воздыхателем дефлорации? Вот уже несколько недель Алина ломала над этим голову. Сначала она решила, что квартира будет достаточно неплохой компенсацией за моральный и физический ущерб. Потом передумала: ведь если Эдик купит или снимет для нее жилплощадь, то начнет, чего доброго, навещать ее по несколько раз в неделю. А этого ей на фиг не надо. Попросить шубу из шиншиллы? Вещь роскошная и жутко дорогая, Алина видела такую в магазине. Но к ее спортивному стилю и образу жизни она вряд ли подойдет.

Что еще? Брюлики? Не по возрасту. Путевку на элитный курорт? Некогда, на носу «Кубок Москвы». А может, машину? Алина даже замерла, представив себя за рулем хорошенькой двухместной иномарки. Ну точно! Надо потребовать «Фольсваген-жук» желтого цвета, какой видела на одной из улиц города. Она, правда, не знала, насколько автомобиль дорогой, и решила выяснить это прямо сегодня.

Вот о чем размышляла девушка, когда из своей комнаты показалась Галина.

– Ушел? – почему-то шепотом спросила она.

– Как видишь, – буркнула Алина и пошла на кухню сортировать подарки. Мать последовала за ней.

Корзина так и стояла на столе, огромная, битком набитая снедью, радуя глаз и раздражая обоняние запахом копченостей. Но последние Алина заставила себя невзлюбить, потому что они вредны для фигуры.

– Ого! – восхитилась мама, увидев презент.

– Ага, – кивнула Алина, срывая обертку.

– Пахнет балыком.

– Им самым. – Алина начала выкладывать на стол продукты, распределяя их по кучкам. – Это все тебе, – указала она на груды мясных деликатесов, – а здоровая пища и витамины мне. Хотя постой, икру я, пожалуй, тоже возьму. В ней много полезных микроэлементов.

Галина ошарашенно смотрела на продуктовое изобилие. Женщина и представить себе не могла, что есть люди, которые могут играючи скупить половину супермаркета.

– Алинка, тут же моя двухмесячная зарплата!

– Ха, мама, не смейся, – девушка пододвинула к себе два небольших пластиковых пузырька, – только пищевые добавки тянут на триста долларов.

Мать ахнула:

– И ты это приняла?

– А что? – рассеянно спросила Алина, увлеченная чтением буклета, прилагающегося к пузырькам.

– Но ты не можешь... Ведь такой дорогой подарок обязывает!

– Тебе чего от меня надо, мам? – оторвалась от брошюры Алина. – Чтобы я отправила все ему назад?

– Именно.

– Может, и открыточку послать, типа «Мон шер, я тронута, но не могу принять столь дорогого подарка»? Так, что ли? – Алинины глаза сузились. – Ведь именно так делают благородные барышни из французских романов прошлого века.

– Не передергивай, – проговорила мама, вставая к плите. – Просто я хочу сказать, что когда мужчина за сорок таскается к несовершеннолетней девушке с горой продуктов...

– То это не значит, что она обязана ему отдаваться за палку колбасы, – повисив голос, закончила Алина.

– Дочь, ну ты же умная девушка...

– Именно поэтому я буду брать то, что мне дают. И требовать еще. И вить из мужчин веревки! – воскликнула Алина. – Вот увидишь, через год у меня будет все.

– Что – все?

– Все.

– Я тоже в твоём возрасте так думала, – отмахнулась Галина. – Я тоже была умна и хороша собой. Но, как видишь, в свои пятьдесят я по-прежнему не имею ничего, даже приличного пальто.

– А почему? – вскипела Алина, поняв намек. – Не потому же, что всю себя отдала мне? Ты ведь именно об этом твердишь.

– А что, разве не так?

– Может, и так. Может, ты и отказывала себе во всем ради моих занятий теннисом. Но, мама, тебе было достаточно только принять предложение твоей же сестры, и в твоих жертвах не было бы необходимости.

– При чем тут Роза?

– А при том, что она несколько раз предлагала тебе помощь. Звала тебя к себе на рынок, даже денег на раскрутку давала, да ты не взяла.

– Никогда баракольщицей не была и не буду! – выкрикнула мать. – У меня уважаемая профессия, я медсестра, помогаю людям, не то что мои родственнички-спекулянты. Даже знать их не хочу, ясно тебе?

– Ясно. Только с тех пор, как тетя Роза была у нас последний раз, ты так и не сменила пальто, а она каждый год ходит в новых соболях. И машины у нее три, и оба сына имеют по квартире. А знаешь, сколько у нее точек на «Динамо»? Одиннадцать. И каждая за день приносит прибыль в сто раз больше твоей месячной зарплаты.

Галина не нашлась, что сказать, просто молча бросила половник и ушла в свою комнату. Там, улегшись на кровать, она стала вспоминать день, когда решила завести ребеночка...

3

Зима выдалась на удивление холодная. Что ни день, то морозы под тридцать, то вьюга, а то и вовсе буран. Однако в январское утро, когда Галочка Азарова опаздывала на работу, погода стояла изумительная: морозная, но без обжигающей стужи, безветренная, да еще солнечные лучи так искрились на поверхности метровых сугробов, щедро наметенных за два месяца матушкой-зимой, что хотелось зажмуриться.

В общем, природа располагала к прогулке и душевной неге, чем Галочка не преминула воспользоваться. Она шла не спеша, погруженная в приятные думы, и старалась не замечать, как стрелка наручных часов неумолимо подползает к восьмерке. В конце концов, за семь лет работы она ни разу на службу не опоздала, так что один разочек можно. Тем более – сегодня, когда не только погода хороша, но и жизнь кажется радостной...

Хотя... Жизнь свою хорошей и радостной Галочка могла посчитать разве что под впечатлением дивного утра, обычно же она казалась ей скучной, даже беспросветной. И причина столь критического отношения к своему бытию проста и понятна каждой женщине – одиночество. Да, Галя, несмотря на свои тридцать два, не была замужем. К тому же с родителями и многочисленными родственниками отношений не поддерживала – стыдилась. Их стыдилась. Пусть и не бандиты, и не алкаши, но все, как один, спекулянты. Из поколения в поколение, от отца к сыну передавались в клане Азаровых знания, как обдурить, облапошить, «наварить», а в советское время – еще и как избежать ареста. И ее, Галочку, тоже хотели к семейному бизнесу приобщить. Вот не посмела бы ослушаться строгого отца, стояла бы сейчас на барахолке, как ее сестра Роза, и трясла бы перед носами москвичей самопальными пуховыми платками, выдавая их за оренбургские. А лет в восемнадцать просватали бы ее сыну друга, или брату партнера, или приятелю родственника из родной Казани. И чтобы не смела перечить! И на русских и прочих евреев смотреть не могла!

Вот поэтому Галя из дома и сбежала. Как только школу окончила, так и подалась в медучилище. Закончила его, распределилась, потом к хорошему доктору в медсестры попала, и теперь, в свои тридцать два, работает в престижнейшем «Институте репродукции человека», ассистирует самому профессору Гурьеву, имеет отдельную квартиру. Одного нет – семьи. И уж если совсем откровенно – даже жениха не имеется. А коли начистоту, то и мужчины, от которого можно бы было родить...

Именно это, а не отсутствие обручального кольца на пальце, беспокоило Галочку в последнее время. Ведь как замечательно было бы, появиись у нее ребеночек. Хорошенький такой, щекастый. Желательно – мальчик. Но и девочка, конечно, тоже ничего. Да и оба сразу нормально, хоть и тяжело. Особенно без мужа...

Одной женщине вырастить ребенка нелегко. Да и ему самому без отца не сладко в жизни будет. Это Галя понимала, и именно поэтому тянула с решением завести потомство. Все ждала, когда достойный кандидат на роль супруга объявится, но, видно, не судьба. Как ни привлекательна была медсестричка Азарова, как ни женственна, а не везло ей в любви, хоть тресни. Попадались все какие-то плохонькие: то скудоумные, то уж больно неказистые, от такого родишь – потом извиняйся перед ребенком, что не нашла для него папашу с более достойным набором генов...

Вот такая петрушка получалась. Вроде и тянуть с рождением ребенка больше нельзя – возраст-то критический, а в то же время абы от кого малыша тоже не хочется. От артиста бы от какого-нибудь – от Боярского, например, или от Костолевского... Галя, кстати, одно время всерьез верила, что такое возможно. Один год на все творческие встречи с известными, а главное, привлекательными и нестарыми артистами ходила, надеясь, что кто-нибудь из них ее заметит и пригласит если не под венец, то хотя бы к себе домой на «рюмку чая». Но не

заметили, не пригласили. Только один раз некто Стародубов, гармонист-частушечник, на вечер которого она попала по ошибке, подмигнул ей со сцены и расплылся в масляной улыбке.

Вот так у Галочки всю жизнь было: те, кому нравилась она, были ей не нужны, а кто симпатичен – те не для нее. Например, профессор Гурьев, с кем она столько лет проработала, и служебный роман с которым просто обязан был завязаться хотя бы потому, что они по десять часов ежедневно мозолили друг другу глаза, относится к ней только как к хорошему работнику, не замечая ее стройных ножек и красивых карих глаз. Хотя, может, и к лучшему, а то вдруг влюбилась бы она в низкорослого Гурьева, ребенка бы от него родила, и вырос бы тот ребенок всего на метр с полуметровой кепочкой... Нет уж, Галочке нужен мальчик рослый, статный, крепкий, без наследственной близорукости. И красивый. Чтоб был всем на загляденье...

«Вот, например, таким», – подумала Галочка, увидев на крыльце своего института щеголеватого парня в длинном пальто нараспашку. Парень был высоченным (за метр девяносто), широкоплечим, круглолицым, щеки его покраснелись от мороза, от чего лицо казалось просто пышущим здоровьем. Завидев Галочку, он улыбнулся, продемонстрировав ряд ровных белых зубов, и пробасил:

– Здрасьте.

Галя приветливо кивнула, продолжая рассматривать парня. Да... Хорош, ничего не скажешь. Глаза синие, брови широкие, а темно-русые волосы такие густые, что ему, вон, даже шапка не нужна.

– Девушка, вы не подскажите... – обратился он к ней после приветствия и на мгновение замялся, хлопнув длинными ресницами, и, понизив голос, закончил: – где тут можно сперму сдать?

Галя сдержанно улыбнулась – расхохотаться, как хотелось, ей не позволял профессионализм. Дело в том, что этот вопрос ей приходилось слышать по несколько раз в день, и к нему она, можно сказать, привыкла. А как же иначе, если медсестра Азарова и занималась тем, что сперму принимала? Конечно, два года назад, когда профессор Гурьев только начал эксперименты по искусственному оплодотворению, она очень смущалась, принимая из рук доноров баночки с мутноватой жидкостью, но теперь перестала. Чего смущаться? Ведь все естественно. Тем более что мужчины, передающие ей свое сокровище, робеют и тушуются еще больше, чем она.

– Ну так что? – не унимался парень. – Не подскажите?

– Подскажу, – успокоила его Галя, подталкивая богатыря к дверям института. – Сначала идите в гардероб и в регистратуру, затем в двадцать шестой кабинет на прием к врачу, потом на анализ в лабораторию...

– Так долго? – Парень ошарашенно замер. – Мне некогда, я на лекцию опаздываю...

Галя строго глянула на красавчика.

– А вы думали, все быстро делается? Кончил в банку, и готово?

– Ну да, – бесхитростно улыбнулся парень.

– Вас в институт... Где вы, кстати, учитесь?

– В МГУ.

– Вас в МГУ без медицинской справки не принимают, а вы хотите...

– Понял, понял, – смиренно заверил студент. – Сделаю, как скажете. А гранит науки завтра догрызу.

Тут Галя расхохоталась и, пожелав ему удачи, направилась к лестнице на второй этаж.

– А к кому мне потом? – выкрикнул он ей вслед.

– Ко мне, – весело ответила Галя, скрываясь за дверью.

Первую половину дня она просидела, как на иголках. Все ждала, когда откроется дверь и в проеме покажется розовощекая синеглазая физиономия. К обеду наконец дождалась. Только не самого красавца-парня, а его досье. «Ну что ж, – подумала Галя, – почитаем». И почитала.

Оказалось, что зовут студента Федором Евгеньевичем Брагиным. Годков ему двадцать, проживает в Москве с рождения и учится на третьем курсе МГУ. Дальше из досье явствовало, что гражданин Брагин отличался прекрасным здоровьем (в детстве и то ничем не болел), хорошим набором генов (ни одного душевнобольного в роду припомнить не мог) и завидной родословной (папа профессор, дед академик). Короче, парень был идеальным кандидатом на роль анонимного отца какой-нибудь мужененавистницы, лесбиянки, уродины или просто отчаявшейся женщины.

Галя отложила досье в сторону. Потянулась, хрустнув суставами. Встала из-за стола и в раздумьях подошла к окну. Интересно, зачем столь блестящему молодому человеку понадобилось сдавать сперму? Из страха перед демографическим кризисом? Или его обуревают навязчивое желание осеменить все человечество? Чушь. Для этого Федор еще слишком юн и нормален (спасибо психически здоровым предкам, академикам и профессорам). Значит, ради денег. Но и это странно. Неужели в здоровой профессорско-академической семье Брагиных не принято выдавать детишкам деньги на карманные расходы?

Именно этот вопрос Галя и задала Федору, когда тот материализовался на пороге ее кабинета.

– Мало дают, мне не хватает, – доверительно сообщил он, выслушав вопрос любопытной медсестры.

– А стипендия?

– И ее не хватает. Хоть она у меня и повышенная.

– На что же вы, Федор Евгеньевич, деньги-то тратите? – удивилась Галя.

– На вас, на баб-с, – выдал юный транжира и лучезарно улыбнулся, несколько не удивившись своего сомнительного каламбура.

– Ясно, – кивнула Галя, посерьезнев.

Потом, так же серьезно, выдала ему баночку и отвела в комнату с мягким диваном.

– Располагайтесь. Когда закончите, позвоните. – Галя указала на кнопку у изголовья дивана и направилась к двери.

– А вы? – воскликнул он, ринувшись за ней.

– Я буду у себя.

– А я думал, что вы останетесь...

– Здесь не публичный дом, молодой человек, а медицинское научно-исследовательское учреждение, – сухо отбрила наглеца Галя и, не оборачиваясь, вышла.

Отстрелялся гражданин Брагин довольно быстро. Уже через десять минут Галя держала в руке баночку с мутноватой жидкостью, похожей на плохо разведенный клейстер. Спустя еще десять она наблюдала через окно, как красавец-донор покидает здание института, резво перемахивая сразу через две ступеньки.

А через следующие десять минут она приняла решение.

Главное в своей жизни.

И девять месяцев спустя Галя Азарова родила здоровенькую девочку. С русыми волосами, синими глазами, пухлыми румяными щечками. Назвала она дочку Алиной и дала ей свою фамилию.

4

Алина осталась в кухне одна. Девушка не раскаивалась в своих словах, потому что давно хотела высказать матери все. Ведь сколько она себя помнила, постоянно слышала от нее одно и то же – я все тебе отдала, всем пожертвовала... И Алина, помнится, вечно с детства страдала от чувства вины, мечтая о том дне, когда в их квартире появится какой-нибудь добрый дядя, который полюбит маму, оденет ее, обует, сводит в ресторан, а Алине купит хорошую ракетку. Но дядя все не появлялся, зато вместо него к ним однажды заглянула мамина сестра, которая пожелала взять на себя обязанности мифического благодетеля, то есть помочь материально. И каково же было Алинино изумление, когда она услышала, что мама от тети Розиной помощи безгласно отказалась.

Вот с того дня Алина маму жалеть перестала. А как бы здорово было, согласись та тогда на предложение «почелночить» вместе с Розой. Глядишь, к сегодняшнему дню и у них было бы три машины. И не пришлось бы Алине продавать свою невинность богатому уроду. Она подарила бы ее какому-нибудь сказочному принцу. Или дипломату. А потом вышла бы за него замуж и уехала в Лондон...

Однако пока дела обстоят так, что о Лондонах нечего и мечтать. А надо собирать волю в кулак, много тренироваться, мало есть, принимать витамины, опять тренироваться и идти к своей цели напролом.

На тренировку Алина приехала вовремя. Успела даже потреться с девчонками волейболистками, которые недавно вернулись из Швеции, и позволить влюбленному легкоатлету погладить свое бедро. Она хотела еще выдать ему авансом страстный поцелуй, но побоялась, что увлечется и забудет о времени. А опаздывать, раздражая тем самым тренершу, было опасно. Тем более теперь, когда у той новая фаворитка.

Кстати, о фаворитках. Сногшибательная Снежана пока еще не явила обществу свой божественный лик. Вчера, как ни ждала ее Маргарита, Ганина так и не пришла, нанеся своим прогулом большой удар по самолюбию тренерши. Вот уж Алина позлорадствовала!

Когда она вошла в раздевалку, там стоял невообразимый гвалт. Две полуобнаженные девицы яростно спорили, перебивая друг друга на полуслове. Суть спора Алина уловила не сразу.

– А я тебе говорю, это была она! – горячилась одна из девушек. – Больше никому!

– Ты че? Девица же выглядит от силы на двенадцать! – протестовала другая, впопыхах напяливая на худящее тело белый свитерок.

– А ты выглядишь на тридцать, но это ни о чем не говорит...

– Я на тридцать? – возмутилась худая. – Да я...

Тут Алина посчитала нужным вмешаться:

– О чем базарим, девочки?

– А? – обернулась на оклик одна из спорщиц. Увидев Алину, чуть злорадно улыбнулась и доложила: – Маргарита привела новенькую.

– Ту самую Ганину, надежду российского тенниса, – добавила вторая не менее злорадно.

– Смотри, Азарова, вытеснит тебя эта Снежана из Маргошиного сердца, – съязвила худая. – Не видать тебе тогда участия в «Кубке Москвы».

– Дура ты костлявая, – беззлобно огрызнулась Алина и, криво усмехнувшись, начала переодеваться.

Девчонки несколько секунд нетерпеливо мялись рядом, но, так и не дождавшись скандала, разочарованно побрели к своим шкафчикам.

Алина не спеша переодевалась, игнорируя пристальные взгляды. Она не собиралась показывать этим брызжущим ядом змеям свой испуг. А как бы они хотели увидеть Азарову пани-

кующей, ох, как хотели... Но нет, не дождутся. Алина еще никому, а тем более завистницам, своих слабостей не демонстрировала. Пусть дуры думают, что Азарова – кремень-баба.

Алине оставалось только зашнуровать кроссовки, когда дверь раздевалки с грохотом распахнулась, и с порога раздался зычный глас Маргариты Эрнестовна:

– Девочки, прошу минуту внимания!

– Толпа юных теннисисток оживленно загудела.

– Да заткнитесь вы наконец!

В помещении повисла гробовая тишина, и тренерша удовлетворенно хмыкнула:

– Хорошо. Итак, представляю вам Снежану Ганину. Вы наверняка уже слышаны об ее талантах и теперь можете убедиться в них лично. Снежаночка будет тренироваться вместе с вами. – И Маргарита вытолкнула на середину раздевалки девчушку в синеньких шортиках.

Алина, до сего момента занятая шнуровкой кроссовок, подняла глаза. Она была готова ко всему: к белокурой гриве, точеным скулам, голубым глазам, грации и женственности, – но все равно внутренне сжалась, когда взгляд ее постепенно взбирался вверх по стройным, очень изящным ножкам соперницы. Вот узкие бедра, плоский живот, талия, грудь... Позвольте, а груди-то как раз и нет, ну разве что намек на нее, размера эдак нулевого! Перед ней, застенчиво улыбаясь, стоял заморыш полутораметрового роста – худенький, плоский, угловатый, с маленькими чертами бледного личика и мышинным хвостиком на макушке...

И из-за этой недоразвитой кочерыжки Алина не могла спокойно спать? Из-за такой вот замухрышки она мучилась сомнениями? Из-за нее, корявой, тонкогубой, так плохо вчера играла? Да не смешите!

Азарова широко улыбнулась и шагнула навстречу:

– Привет, меня зовут Алина.

– Снежа, – тихо представилась Ганина и робко заглянула новой подружке в глаза. – Снежана.

– Очень приятно, – промурлыкала Алина и, отвернувшись на мгновение от Ганиной, презрительно покосилась в сторону приятельниц-завистниц. – Надеюсь, мы подружимся.

– Надеюсь, – строго отчеканила Маргарита Эрнестовна, остро посмотрев на Алину. Она понимала, что та затеяла какую-то игру – уж очень непривычна была ее приветливость. – А теперь за работу! – скомандовала тренер после паузы и, крутанувшись на пятках, вышла за дверь.

Как только Маргаритины шаги стихли, девчонки обступили новенькую и уже без всякого стеснения начали ее рассматривать. То, что они видели, им понравилось – как же, такую дурнушку в их команду взяли. Особенно ликовала тощая спорщица Тамара, считавшаяся до последнего времени самой неказистой в своей подгруппе.

– Ты чего, Ганина, в Москву-то приперлась? – не слишком приветливо осведомилась одна из девушек. – В Белоруссии что ли не игралось?

Снежана ступшевалась. Но только открыла рот, чтобы вежливо ответить, как заговорила Алина:

– На дурацкие вопросы можешь не отвечать. – Она взяла новенькую за руку и вытащила за дверь. – И вообще не обращай на них внимания. Эти мымры и мне покоя не дают.

– Да? – распахнула свои маленькие голубые глаза Снежана. – А тебе почему? Я-то новенькая, со мной понятно...

– Завидуют, – пояснила Алина спокойно. – Моей красоте, твоим успехам.

– Да? – Ганина на секунду задумалась. А потом выдала: – Ну и глупо. Успехам завидовать глупо, потому что любой может добиться таких же, надо просто отдавать себя делу целиком. – Снежана слегка покраснела, видимо, разволновалась. – А красотой можно только восхищаться. Что ей завидовать?

– Как это «что?» – оторопела Алина. Она-то считала, что все женщины (особенно такие заморыши) зеленеют от зависти, глядя на ее фигуру, волосы, лицо. – Ведь фигура, в отличие от успехов, не приходит после долгих тренировок.

– Ну и что? – тихо, но очень уверенно и твердо, парировала новенькая. – Счастье не в красоте.

Тут Алина не выдержала и рассмеялась. Конечно, что еще может сказать такая страшилка? Ей-то наверняка с пеленок об этом твердили, чтобы у девчонки комплекс не развился.

– Может, ты и права, – легко согласилась Алина. Не спорить же с убогонькой, а то чего доброго расплатится. – Но вот если бы у меня были скулы, как у Софи Лорен, я бы была самой счастливой женщиной на свете.

– Но ты и так красавица! – вскрикнула Снежана. И в голосе ее было столько восхищения, причем искреннего, без грамма зависти, что Алина умилилась.

На сей оптимистичной ноте они и закончили разговор. После чего отправились в спортзал.

Тренировка прошла прекрасно. Алина была в ударе: она божественно двигалась, не упускала подач, молниеносно реагировала, а еще успевала следить за Ганиной, игравшей на соседнем корте. И, надо сказать, игравшей так себе. То ли не обвыклась еще, то ли не пришла в форму. Удар, конечно, у девчушки был метеорный. Просто удивительно, как в такой хилой ручонке может таиться столько силы. Но реакция замедленная, движения вяловатые. Да и сама Снежана не производила впечатления – уж больно угловата, неказиста и мелка. Прямо мушка-дрозофила. А самое ужасное – хрюканье, которое она издавала при подаче. «Хх-рррр-у!» – то и дело несло с соседнего корта, будто не карманная малышка там играла, а страдающий ожирением и одышкой пенсионер.

С тренировки Алина со Снежаной вышли вместе. Потоптались немного на крыльце, обменялись комплиментами. Но погода к долгим беседам не располагала, поэтому они уже собирались разойтись в разные стороны (Алина к метро, Снежана к троллейбусу), когда услышали громкий мужской возглас:

– Красавица!

Алина тут же обернулась, с ходу поняв, что зовут именно ее – Снежаночку-то даже в большом подпитии красавицей не назовешь. Тут же обнаружила в двух метрах от крыльца новехонькую «девяточку» и стоящего рядом с ней хозяина. Он был хорош собой, высок и молод, причем молод настолько, что факт владения «Жигулями» был тут же поставлен под сомнение – скорее всего, взял машину покататься у папы.

– Мальчик, тебе чего? – ласково спросила Алина.

Мальчик не ответил, жестом пригласив ее в салон.

– Это твой парень? – шепотом спросила Снежана.

– Нет, что ты... – стала отнекиваться Алина, но Ганина, не дослушав, вынесла вердикт:

– Симпатичный.

Алина пригляделась к незнакомцу повнимательнее и согласно кивнула.

– Да, ничего.

– А как его зовут?

– Понятия не имею.

– А это его машина?

– Черт его знает.

– Красивая.

– Да ладно, – хохотнула Алина, – скажешь тоже. «Жигуль» обычный. Вот у моего Эдика тачка, так тачка – «бээмвуха» прошлого года выпуска. Металлик. Белый салон. – Алина закатила глаза, вспоминая красавицу-немку. – А это просто консервная банка.

– У моего парня и такой нет, а он страстно мечтает о машине, – тихо проговорила Снежана и вздохнула.

Алина от удивления разинула рот – у тощей кочерыжки есть парень! Ничего себе! До чего же мир-то докатился, что на эдакое колченогое безобразие кто-то польстился.

– Детка, да что же ты ничего про него не расскажешь? – воскликнула Алина. – Кто он? Откуда? Давно ты с ним встречаешься?

– Недавно, всего две недели. – Снежана засмушалась. Стыдливая краска залила щеки. – Но я его уже очень люблю и хочу за него замуж.

– Понятно, – нейтрально проговорила Алина, насили удержавшись, чтобы не съязвить, не обронить что-нибудь вроде того, что все дурнушки жутко романтичны. – А он красивый?

– Мне кажется, да.

«Ага, – мысленно фыркнула Алина, – наверняка чуть лучше обезьяны. Да еще и беден, раз паршивенькую тачку купить не может. И тупица, как пить дать...».

Она склоняла Снежаночкиного жениха, не желая признаться себе в том, что ее задело и даже раздосадовало известие о его наличии в жизни невзрачной девчужки. Она-то думала, что дурнушка Ганина одинока и несчастна, и тогда ее успехи легко объяснялись бы – что еще делать убогонькой, раз личной жизни нет? А оказывается, все у нее в ажуре. И в спорте, и в любви...

Несправедливо!

– Алин, он тебя зовет, – шепнула Снежана Азаровой на ухо. – Иди.

– Да, пойду, пожалуй, – решительно кивнула девушка.

– Вы ведь знакомы, да? А то, смотри, к незнакомым садиться опасно...

– Расслабься, девочка, это паренек из моей свиты. Мой вассал.

– Но ты же имени его не знаешь...

– У меня таких с десяток, всех имен не упомнишь, – надменно выдала Алина и даже сама себе поверила. И решительно направилась к машине.

Вообще-то у нее не было привычки садиться в автомобиле незнакомцев, но не могла же она потерять лицо перед... перед королевой замухрышек. Пусть знает, кто тут истинная королева! Пусть чернеет от зависти! Пусть подавится своими победами! И катится к чертям со своим женишком!

5

В тот же послеобеденный час, но две недели спустя, Алина вновь садилась в машину к мужчине. На сей раз и машина, и мужчина были другими. Вместо «Жигулей» – «БМВ», а юного красавчика заменил потасканный Эдик. И отъезжали они не от крыльца родной спортшколы, а от заднего хода комплекса. Но самое главное – Алина чувствовала себя не королевой, а жалкой и ничтожной нищенкой. Неудачницей.

А ведь всего два часа назад ей казалось, что целый мир лежит у ее ног...

– Ты в порядке? – заботливо осведомился Эдик, поправляя на ее груди ремень безопасности.

– Нет, я не в порядке, – прошептала Алина и шмыгнула носом.

Наконец-то она может поплакать. Прорыдаться вдали от участливых глаз... Отгородиться серебристым металлом автомобильного корпуса от всепонимающих улыбок. Спрятаться от доброжелательных рукопожатий...

– Я неудачница! – выкрикнула Алина, не замечая льющихся по лицу слез.

– Перестань, деточка. Подумаешь, не выиграла Кубка... – ласково замурлыкал Эдик, вытирая ее слезы. – Да я тебе таких дюжину куплю. Хочешь?

– Ты ничего не понимаешь! – зло выкрикнула девушка, отбрасывая заботливую руку от своего лица.

Все у этих новых русских просто – не выиграл, так купил. Но талант не продается. Как и удача. И везение. Их не купишь, не выклянчишь и даже не вымолишь!

Не вымолишь, хоть разбей лоб об пол, отвешивая поклоны всем известным богам...

Алина верила, что с судьбой-злодейкой можно договориться. Задобрить ее жертвоприношениями – диетами, витаминами, тренировками. Ан, нет, не вышло. Приперлась из Австрии какая-то Дженифер Моран, некогда первая, а ныне сто первая ракетка мира, и вырвала столь ожидаемую, выстраданную и вымоленную победу из Алининых рук.

Вырвала в финале. И теперь именно она, Дженифер, сверкает фарфором зубов в объективы фотоаппаратов, лепечет благодарственную чушь в микрофоны, целует кубок и посылает воздушные поцелуи толпе. А что же Алина? А Алина убегает от чужого счастья с такой бешеной скоростью, с какой вор покидает место преступления. Конечно, Алина могла бы остаться, она даже обязана была это сделать, ведь и ей предназначалась порция славы, но – не смогла.

Быть второй – что может быть хуже? Разве что быть последней.

Алина вспомнила, как убегала с корта, когда проиграла последний сет, как мчалась по коридору, и из ее груди вырывались то ли всхлипы, то ли стоны... как стояла в раздевалке, привалившись потным затылком к стене, и что есть силы сжимала голову уставшими руками...

Потом в помещение ввалилась толпа: девчонки, мальчишки, Маргарита Эрнестовна, мама, Снежана со своей участливой бледной мордой. Все делано радостные, оптимистичные. «Ты была великолепна, хороша... Ты бы могла выиграть, но слишком сильная соперница... Не твой уровень...»

Какой к черту уровень? Какая соперница? Старая перечница, рассыпающаяся от травм ветеранка, вот кто она, эта Дженифер! И дело-то, по сути, не в ней, а в том, что Алина проиграла, хоть и выложила для победы. А значит, не все в жизни идет по ее, Алининому, хотению... Да еще Маргарита так спокойно встретила ее поражение, будто ничего другого от своей воспитанницы и не ожидала. Конечно, Азарова не Ганина, она может быть только второй. И ее удел размазывать сопли, слушая неуместные комплименты двуличных приятельниц в то время, как какая-то счастливая арийская корова прыгает от счастья, трясая своим тридцатилетним задом перед носами судей.

Вот поэтому Алина и сбежала.

- Успокоилась, козочка моя? – после долгой паузы осведомился Эдик.
- Ме-е-е, – проблеяла Алина раздраженно. Сколько раз она просила его не называть ее «козочкой». Как, впрочем, и «рыбкой», и «птичкой» тоже.
- Куда поедем? – совсем не обиделся Эдик.
- В кабак, – буркнула она.
- А не лучше ли в мотель? – игриво промурлыкал вечно озабоченный Эдик. – Секс лучше всего снимает стресс...
- Да забудь ты хоть на минуту о своей мошонке! – разозлилась Алина.
- Хорошо, не кипятись.
- Ладно, ладно, не буду. Только и ты не начинай...

Несколько минут они ехали молча. Алина, насупившись, смотрела в окно, а Эдик на нее. Ему нравилась эта капризная, надменная, избалованная девчонка. Ох, как же она ему нравилась! Даже вот такая – с покрасневшим носом и злым взглядом. Все равно прекраснее и желаннее ее не было для него в мире женщины.

– Эдюша, – вдруг прервала Алина молчание, – а поедем за город, а? Посидим на берегу реки.

- С чего вдруг?
- Мне надо подумать.

Эдик удивленно воззрился на свою спутницу. Подумать? Эта прекрасная стрекоза умеет мыслить? Не только порхать по корту, сверкая попкой, не только строить глазки и «динамить» мужиков? Вот уж не ожидал.

– Девочка моя, я отвезу тебя туда, куда ты скажешь, – заверил он Алину и развернул машину. – Но сначала заедем в магазин, купим шампанского...

- Коньяка. Я хочу коньяка.
- Но ты же не пьешь, – удивился Эдик.
- Сегодня пью.

Когда через полчаса они выезжали на шоссе, в багажнике стояла корзина с коньяком, фруктами, шоколадом и любимыми всеми новыми русскими омарами, которых заботливый официант одного модного ресторана сложил в пластиковое ведро и накрыл полотенцем.

Они ехали молча, размышляя каждый о своем. Эдик предавался мечтам, как подвыпившая девушка отдастся ему под сенью лип, а Алина прикидывала, стоит ли ей уводить своего ухажера из семьи. Раньше она не задумывалась над этим, считала, что Эдик, будь тот хоть трижды миллионер, ее не достоин. Как же, она ведь будущая звезда, а он всего лишь нувориш, бездарный выскочка, к тому же весьма непривлекательный. Но сегодня Алина почувствовала себя такой незащищенной, такой ничтожной, так испугалась за свое будущее, что Эдик показался единственным человеком, способным подарить ей уверенность и покой.

- Дорогой, ты любишь свою жену? – ни с того ни с сего вдруг брякнула девушка.
- Что? А, жену... Ну, я ее уважаю.
- Понятно, – кивнула Алина.

Ей и вправду все стало ясно. Уважает – это плохо. Значит, бросать ее не собирается – как же, столько лет вместе, троица придурков растет, имущество опять же делить придется... Да, ладно, ерунда. Если она, Алина, захочет, примерный семьянин Эдуард Петрович бросит свою гримзу как миленький. Алина, правда, еще не решила, нужно ли ей, чтобы бросил, но обязательно решит в ближайшее время.

Алина умиротворенно откинулась на спинку сиденья. Нервы ее немного успокоились, воспоминания притупились, а перспектива скорой войны за богатого мужика взбодрила. Эдик, исподтишка наблюдавший за девушкой, довольно улыбнулся. Отошла! Слава тебе, господи. Значит, сейчас опять мурлыкать начнет, кокетничать. И, быть может, даже позволит погладить свою нежную грудь. «О! – Эдик зажмурился. – Эта девичья грудь... Гладкая, бархати-

стая, увенчанная маленьким, как горошинка, соском...». Стоило ему только представить ее, как он возбуждался до такой степени, что даже его толстая уважаемая жена становилась желанной. Именно на нее, целлюлитную сорокапятилетнюю супругу, обрушивал свое вождение исстрадавшийся по красивому молодому телу Эдуард Петрович. Он гладил дряблые ляжки жены (сколько раз ей говорил – запишись в спортзал, сядь на диету, сходи на массаж – все без толку!), а перед глазами стояли стройные длинные ноги юной спортсменки...

– Алиночка, – прохрипел вдруг мужчина и резко дал по тормозам.

Машина, возмущенно рыкнув, остановилась. Алина дернулась вперед, охнула, больно ударившись коленкой о приборную доску.

– Сдурел? – взвизгнула девушка.

– Да. Сошел с ума. Из-за тебя. – Он рванулся к ней. Сгрел в охапку. Зарылся лицом в ее длинные русые волосы и забормотал что-то неразборчивое.

Алина поморщилась, но не отстранилась. Пусть полобзает ушко, если ему так хочется. Пусть и шейку чмокнет, не жалко.

Но Эдик невинными поцелуями ограничиваться не пожелал. Нервно дрожа, он начал гладить Алинину шею, затем, распахнув куртку, перешел на ключицы, плечи. Лихорадочно, торопливо содрал с нее шарф, расстегнул олимпийку. Увидев под кофтой белый кружевной лифчик, охнул и припал губами к чашечке.

Алина с вялым любопытством наблюдала за действиями Эдика. Эк его разобрало-то, беднягу, аж трясет всего... Ну да ладно, пусть потешится. Алина поудобнее расположилась в кресле и погладила прыгающий перед глазами лысоватый затылок. Ласка возымела действие – Эдик с новой силой начал мять ее грудь, а через несколько секунд стал сдирать бюстгальтер. Когда застежка поддалась, и лифчик упал Алине на колени, перед Эдиком предстало поистине великолепное зрелище: два безупречных полушария с нацеленными на него сосками вздымались в такт прерывистому дыханию девушки.

Эдик застонал громче и закрыл глаза. Но даже так он видел два круглых, спелых персика. И родинку на ключице. И плоский животик. А какие красоты таили в себе застегнутые джинсы...

Окрыленный успехом, Эдик решился. Вот и молния на брюках, вот и трусики, а под трусиками...

– Двадцать первого ноября, – вдруг раздалось над его ухом.

– А? – ошалело поднял голову Эдик. Он не понял, будучи весь во власти желания.

– Двадцать первого ноября, – спокойно повторила Алина. – Я буду твоей в день твоего рождения.

– Но... – Голос его дрожал, как и руки, как все мышцы.

– Двадцать первого, – отрезала Алина. Потом, деловито запахнувшись, скомандовала. – А теперь поехали. Омары стынут.

6

Алина лежала на кровати в своей комнате и с серьезным видом разглядывала картинки в книге под названием «Камасутра». Книга не воодушевляла, не вдохновляла и не рождала сексуального возбуждения. Особенно разочаровывал текст... Сначала Алина продиралась сквозь частокол символов типа «просверленной жемчужины» или «возведенной пушки», а потом, когда уяснила, что под пушками и жемчужинами подразумевается, не могла отделаться от впечатления, что изучает не трактат о любви, а пособие по эксплуатации какого-то электроприбора.

Странице на двадцатой Алина перестала вчитываться в древнюю лабуду, ограничилась изучением картинок. Но и они разочаровали. Вот взять, например, эту, на которой женщина и мужчина совокупаются в немыслимой позе на лоне природы. Что здесь может быть сексуального? Уж не тонюсенький ли орган мужика или неестественно вывернутые ляжки его партнера? Одно на картинке хорошо – природа. Да еще два тигра на заднем плане. Но Алина не для того выпросила у одного знакомого трактат, чтобы флору и фауну Индии изучать, а для ознакомления с процессом... э... так сказать... занятий любовью. Ведь недалек тот день, когда этой самой любовью (тьфу ты, придумают же!) ей придется заняться (тьфу еще раз) с сексуально озабоченным Эдиком...

– Алина, – раздался совсем рядом мамин голос, – тебя к телефону.

Алина вздрогнула и молниеносно накрыла книгу подушкой.

– Что читаешь? – поинтересовалась Галя, которая, оказывается, неслышно вошла в комнату, пока дочь размышляла о наболевшем.

– Так, – замялась Алина, – учебник один.

– Учебник? Зачем? Уж не в институт ли поступать собралась? – радостно ахнула мама.

– Нет, мутер, это такой учебник... ну... который жизни учит.

– Дейл Карнеги, что ли?

– Ага, – быстро согласилась Алина, понятия не имевшая, кто такой Карнеги. – Он, родимый.

– Вот и хорошо, доченька, его полезно почитать.

Алина смиренно покивала, втихаря вытащила дурацкую «Камасутру», сунула ее под халат и только тогда спросила:

– А кто там звонит?

– Что? – Матушка, видимо, уже забыла, зачем зашла в комнату дочери. – А-а, кто звонит?.. Снежаночка.

– Естественно, кому еще взбредет в голову трезвонить ни свет ни заря, – пробубнила Алина, вылезая из постели.

Пока она нехотя брела в прихожую, мысли, до сего момента занятые только Эдиком и скорой дефлорацией, метнулись в другом направлении. Алине подумалось, что именно «добрую самаритянку» Снежану ей хотелось придушить больше, чем всех остальных своих товаров. И почему, интересно? Ведь Ганина искренне сочувствовала Алине, когда арийская корова обскакала ее в финале. Только Снежана не таила злорадную улыбочку, говоря успокоительные слова, и именно она была уверена, что Алина достойна победы. Может, как раз поэтому ее и хотелось придушить? Ведь нельзя же быть такой безупречной...

– Аллю, – пропела Алина в трубку, ничем не выдав своего кровожадного желания.

– Привет, – послышался в ответ тихий голос Снежаны. – Как дела?

– Замечательно, – отрапортовала Алина.

– Правда?

– Правда, – бодро ответила Азарова. В конце концов, прошло уже три дня с того провального соревнования, и любая, даже самая истеричная особа женского пола должна смириться с поражением. Алина, конечно, не смирилась – она не могла так быстро принять свой провал, – просто не собиралась плакаться этой сердобольной курице на свою жизнь. – Кстати, ты чего звонишь так рано?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.